

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XXXIX-XL международной научно-практической
конференции*

№ 7-8 (39)
Август 2014 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2014

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко.

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — канд. тех. наук, д-р философии по искусствоведению, ст. науч. сотр., заведующий лабораторией Государственного учреждения «Институт пищевой биотехнологии и геномики Национальной академии наук Украины» (ИПБГ НАН Украины).

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии исторического факультета Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала Российского государственного торгово-экономического университета;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепрпетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XXXIX-XL междунар. науч.-практ. конф. № 7-8 (39). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 96 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. Политика в России	6
ОХРАНИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ О ВВЕДЕНИИ ЦЕНЗУРЫ Короткова Мария Николаевна	6
СПЕЦИФИКА КОНСОЛИДАЦИИ ГИБРИДНОГО РЕЖИМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД 2000—2012 ГОДОВ Сорбалэ Алексей Борисович Балаян Александр Александрович	11
Секция 2. Философия	22
2.1. Динамика современной культуры	22
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА Вигель Нарине Липаритовна	22
ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА Вигель Нарине Липаритовна	26
ГЮБРИС КАК ФАКТОР ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРИРОДЫ Сурков Владимир Владимирович	30
2.2. История философии	34
НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КОНЦЕПЦИИ А. КОЙРЕ И Т. КУНА Котлярова Виктория Валентиновна	34
НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭСТЕТИКИ Ф. ШЕЛЛИНГА И В.С. СОЛОВЬЕВА (ФИЛИАЦИЯ ИДЕЙ) Петрык Янина Юрьевна	39

2.3. Онтология и теория познания	47
ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ИНТЕРАКТИВНОМ КИНО И КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ Самойлова Елена Олеговна	47
2.4. Философские проблемы образования	53
ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ В ХОДЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ Шаповал Галина Николаевна	53
Секция 3. История	59
3.1. История России	59
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ОМСКОГО РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ Азарова Людмила Васильевна	59
ДЕТСКИЙ ДОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ БЫТА (НА МАТЕРИАЛАХ КОМИ ОБЛАСТИ) Доброноженко Галина Федоровна Лунгор Екатерина Геннадьевна	66
3.2. Документоведение, архивоведение	72
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ В ГУЛАГЕ НКВД В 1941 ГОДУ Аупенова Алия Укужановна	72
3.3. Этнология	83
К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА Макина Анастасия Ивановна	83

**3.4. Историография, источниковедение
и специальные исторические дисциплины** **88**

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ШАХТЁРОВ РОССИИ
ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ (1992—1999 ГГ.):
ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА
Соловенко Игорь Сергеевич
Куст Татьяна Сергеевна **88**

СЕКЦИЯ 1.
ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИКА В РОССИИ

**ОХРАНИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ
ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ
О ВВЕДЕНИИ ЦЕНЗУРЫ**

Короткова Мария Николаевна

*канд. пол. наук, старший преподаватель
Пермской государственной медицинской академии
им. ак. Е.А. Вагнера Минздрава России,
РФ, г. Пермь*

E-mail: korotkova_mariya@mail.ru

**PROTECTIVE DIRECTION OF A POLICY
OF THE RUSSIAN STATE IN THE FIELD OF INTERNET:
THE OPINION OF STUDENTS
ABOUT THE INTRODUCTION OF CENSORSHIP**

Korotkova Mariya

*candidate of political sciences, the senior teacher
of Perm State Medical Academy of a name of academician E.A. Wagner,
Russia, Perm*

АННОТАЦИЯ

Автор статьи рассматривает результаты анкетирования учащихся Пермской государственной медицинской академии: отмечает нейтрально-

положительную реакцию студентов на введение цензуры в Интернет-пространстве.

ABSTRACT

The author of the article considers the results of questionnaires of students of Perm State Medical Academy, said neutral positive reaction of students to the introduction of censorship in the field of Internet.

Ключевые слова: Интернет-политика государства; информационные войны; популизм; интернет-фишинг; информационная безопасность; цензура в Интернете-пространстве; фильтрация информации в Интернет-пространстве.

Keywords: Internet policy of the state; populism; Internet phishing; information security; information warfare; censorship in the Internet; filtering of information in the Internet

Жизнь без Интернета сегодня немыслима для любого просвещенного человека. Для миллионов людей он становится альтернативным, а иногда и единственным источником и средством получения информации [2]. Однако Мировой Сети присущи и негативные моменты. Во-первых, Интернет все чаще становится местом для различных махинаций, например, таких как интернет-фишинг. Во-вторых, нередко является зоной содержания опасного контента, способствующего разжиганию религиозной и национальной розни и т. д. В-третьих, превращается в арену для информационных войн между развитыми государствами, в частности, площадкой для организации массовых протестов [5, 7].

Эти обстоятельства ставят правительство любой страны перед необходимостью формирования особой политики в области Интернет-пространства, направленной на информационную безопасность не только военно-стратегических, но и гражданских структур. Сегодня власти РФ предпринимают решительные шаги, в рамках которых можно выделить три направления. Первое, охранительное, базируется на создании специальных государственных органов, призванных вести мониторинг и обработку информации, а также борьбу с пиратством и другими виртуальными угрозами [1, 4, 8]. Второе, просветительское, основано на работе с разнообразными СМИ — теле- и радиовещательными компаниями и печатными изданиями [2]. Третье, популяризаторское, ориентировано на создание положительного Интернет-образа государства [3, 9].

В мае 2014 года в Пермской государственной медицинской академии им. Е.А. Вагнера было проведено анкетирование, целью

которого являлось определение отношения студентов к введению цензуры в Мировой Сети. В качестве респондентов выступили учащиеся первого курса педиатрического факультета — 14 юношей и 75 девушек в возрасте от 17 до 23 лет.

Для достижения поставленной цели, необходимо было ответить на следующие вопросы: 1) как часто и с какой целью студенты посещают Интернет; 2) доверяют ли они информации, полученной в Мировой Сети; 3) каким образом они относятся к идее цензуры в СМИ и, в частности, в Интернете; 4) что и какими способами, с их точки зрения, нужно и можно ограничивать в виртуальном мире.

Все участники анкетирования ответили, что посещают Интернет ежедневно. Чаще всего с целью общения в социальных сетях — 90 %; поиска информации по работе или учебе — 79 %; просмотра видео, фильмов, музыки — 62 %, последних новостей, сводок погоды, курса валют — 42 %; а также для участие в on-line играх — 9 %.

По данным ВЦИОМ, 62 % населения России доверяют отзывам в социальных сетях [7]. Что касается данного анкетирования, безоговорочно доверяют сведениям из Интернета 50 % юношей, выборочно — остальные 50 %. Девушки настроены более скептически, чем юноши. Полученную из Интернета информацию принимают на веру менее половины представительниц слабого пола (37 %). Выборочно — 47 %, авторитетным авторам и источникам — 8 %, категорически не доверяют — 8 %. Таким образом, подводя промежуточный итог по этому вопросу, можно сказать, что материалы, расположенные в Сети, ни только находят своего адресата, но и оказывают определенное влияние на формирование повестки дня.

На вопрос, каким образом студенты относятся к идее цензуры, то есть признанию прав государства на ограничение распространения информации, которую оно посчитает вредной или опасной для общества, были получены следующие ответы. Более половины респондентов (66 %) ответили положительно; менее четверти (23 %) — отрицательно; почти четверть (21 %) затруднились ответить. Следует отметить, что девушки относятся к идее цензуры более благосклонно, чем юноши — 68 % представительниц слабого пола против 58 % сильного. Таким образом, в целом можно говорить о положительно-нейтральной реакции проанкетированных.

Среди тех, кто относится к идее существования цензуры положительно, более двух третей (84 %) полагают, что ограничение информации необходимо на телевидении, чуть менее половины (43 %) — в газетах и журналах; почти треть (29 %) — в области

радиовещания; и совсем немного (9 % девушек) уверены в обязательности введения цензуры во всех сферах распространения информации.

К идее введения цензуры в Интернет-пространстве относятся положительно 74 % респондентов; отрицательно — 7 %; затруднились ответить — 19 %. Интересно отметить, что к идее фильтрации информации в Мировой Сети опять же более благосклонно девушки, чем юноши — 76 % против 60 %. Среди них меньше и тех людей, которые воспринимают эту идею однозначно негативно (5% представительниц слабого пола против 20 % сильного).

Таким образом, сама идея цензуры не вызывает серьезного отторжения у большинства респондентов. С точки зрения этой группы людей ограничению в Сети должны подвергаться следующие явления: побуждение к самоубийству — 92 %; реклама наркотиков — 82 %; нецензурная лексика — 81 %; порнография — 79 %; насилие — 79 %; разжигание национальной и религиозной розни — 71 %; пиратская нелегальная продукция (фильмы, музыка, компьютерные игры) — 19 %; оппозиционные сайты — 15 %. Девушки, в отличие от юношей, демонстрируют большую нетерпимость практически ко всему вышеперечисленному, например, 86 % представительниц слабого пола уверены в необходимости запрета нецензурной лексики в Сети, в то время как в подобном заинтересованы только 44 % сильного.

Все участники анкетирования имеют представление о том, что такое антивирусы. Подавляющая часть (98 %) пользуется ими. Однако почти половина респондентов (49 %) не уверены в том, что последние могут обеспечить эффективную фильтрацию информации, поступающую из Интернет-пространства. В качестве способов ограничения сетевого контента 79 % студентов назвали блокировку сайтов; 54 % — использование специальных фильтров на оконечные устройства (планшеты, нетбуки, смартфоны); 35 % — мониторинг неблагожелательных блоггеров в социальных сетях.

На вопрос, следует ли применять наказание за противоправные действия в Интернете, 67 % респондентов ответили утвердительно (юноши в данном вопросе настроены более решительно, чем девушки — 79: против 59 %); 11 % — отрицательно; 22 % затруднились ответить.

Среди возможных наказаний за противоправные действия в Мировой Сети, были предложены следующие варианты: денежные штрафы — 85 %; исправительные работы — 35 %; тюремное заключение — 15 %; изъятие компьютерной техники, сотовых телефонов — 14 %. В качестве ответов некоторые респонденты также предложили блокировку сайтов, расстрел и даже принудительное посещение психотерапевта.

Подводя итоги, можно отметить следующие моменты. Во-первых, Мировая Сеть занимает значительное место в жизни студентов. Во-вторых, учащиеся полагают, что материалы, расположенные в Интернет- пространстве, могут вызывать не только сомнения в их подлинности и искренности, но и быть опасными для общества, поэтому к идее введения цензуры в целом относятся нейтрально-положительно.

Список литературы:

1. Ашманов И. Забил я цифрой пушку туго. Помогут ли победе в информационной войне роботы и мобилизация хакеров? / Беседовал И. Елисеев // Российская газета: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2013/05/23/ashmanov.html> (дата обращения: 21.01.2014).
2. Беляев Д. Блогговброс. Чем отличается настоящая новость от «вброса»? // Российская газета: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2012/10/11/blog.html> (дата обращения: 21.01.2014).
3. Бирюкова Л. Молодая гвардия «Единой России» делает ставку на агитацию в соцсетях // Ведомости: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/9352261/v_kontakte_s_gvardejcam (дата обращения: 10.01.2014).
4. Благовещенский А.В российской армии появится киберкомандование // Российская газета: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20120311/187848018.html> (дата обращения: 21.01.2014).
5. Нежданов И., Митрофанов А. Битвы в Сети. Кто и как управляет информационными войнами / Беседовала М. Городова // Российская газета: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2014/04/10/infovoiny.html> (дата обращения: 21.04.2014).
6. Нужна ли цензура в Интернете? Вопрос недели // Российская газета: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2012/10/11/internet-cenzura.html> (дата обращения: 10.11.2012).
7. Снегирев В. Жизнь в режиме on-line-2. Продолжение записок пленника социальной сети // Российская газета: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2013/11/14/blogger.html> (дата обращения: 10.01.2014).
8. Тимофеева О. Закрытый просмотр. Стремление влиять на СМИ часто дает обратный эффект / Беседовал М. Барщевский // Российская газета: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2012/11/08/effekt.html> (дата обращения: 21.01.2014).
9. Что такое Открытое правительство // Большое правительство: сайт. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://большоеправительство.рф/opengov> (дата обращения: 12.08.2013).

СПЕЦИФИКА КОНСОЛИДАЦИИ ГИБРИДНОГО РЕЖИМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД 2000—2012 ГОДОВ

Сорбалэ Алексей Борисович

*студент второго курса,
факультет менеджмента, кафедра прикладной политологии,
Национальный Исследовательский Университет
«Высшая Школа Экономики» — Санкт-Петербург,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: alexsorbale@gmail.com*

Балаян Александр Александрович

*канд. полит. наук, доцент
Национального Исследовательского Университета
«Высшая Школа Экономики» — Санкт-Петербург,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: alexandr1138@mail.ru*

THE SPECIFICS OF CONSOLIDATION OF HYBRID REGIME IN RUSSIA DURING THE PERIOD OF 2000—2012

Sorbale Alexey

*second-year student, Faculty of Management, Department of Applied
Political Science, National Research University
"Higher School of Economics" — St. Petersburg,
Russia, St. Petersburg*

Balayan Alexander

*candidate of political sciences, associate Professor of the National
Research University "Higher School of Economics" — St. Petersburg,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Данная работа направлена на анализ трансформации режима Российской Федерации, который за период 2000—2012 годов перешёл от модели ограниченной конкуренции к модели электорального авторитаризма. При помощи регрессионного анализа мы попытаемся

определить основные факторы, повлекшие за собой исход политического транзита в России на примере трёх этапов: 2000—2004, 2004—2008 и 2008—2012, а также рассмотрим основные тенденции последних лет, которые в перспективе могут привести к слому современного российского режима.

ABSTRACT

This work focuses on the analysis of the transformation of the regime of the Russian Federation, which from limited competition model to electoral authoritarianism in the period of 2000—2012. Using the regression analysis, we will try to identify the main factors that caused the exodus of political transition in Russia on the example of three phases: 2000—2004, 2004—2008 and 2008—2012, as well as look at the main trends of recent years, which could potentially lead to a breakdown of the current Russian regime.

Ключевые слова: гибридный режим; Россия; политический транзит; фасадные институты.

Keywords: hybrid regime; Russia; political transit; facade institutions.

Введение

После распада Советского Союза многие эксперты, в частности, С. Хантингтон [10, с. 53], делали предположения относительно того, чем закончится политический транзит в странах постсоветского пространства, в особенности в России, которая являлась одним из возможных вариантов построения модели электоральной, а впоследствии и либеральной демократии. Тем не менее, к началу 2000-х годов стало явственно видно, что российский режим не представляет из себя консолидирующейся демократии, поскольку в общественно-политической сфере нарастало проявление авторитарных тенденций. Впоследствии, к середине 2000-х годов, большая часть исследователей начала говорить о российском режиме как о гибридном, то есть включающем в себя институты демократии (либо не до конца сформировавшиеся, либо контролируемые со стороны исполнительной власти), которые сосуществуют с признаками авторитарного государства. Таким образом, мы сталкиваемся с актуальными для современной России вопросами: Что послужило причиной того, что политический транзит привёл к установлению гибридного режима, а не к переходу к демократии? Было ли это наследие советского прошлого, которое повлияло на только начинающиеся развиваться институты демократии и привело к невозможности их

полноценного развития в процессе транзита? Либо это деятельность центральной власти привела к откату от первоначальных демократических завоеваний?

Новейшая политическая история России может рассматриваться нами через призму трёх моделей.

Первая модель — это модель *зарождающегося электорального авторитаризма*, характерная для периода 2000—2003 годов. Эта модель характеризуется первоначальной реальной конкурентоспособностью всех участников политического процесса при относительно слабом контроле действующей власти над электоральным процессом. Впоследствии этот статус-кво изменяется под действием законодательных и манипулятивных действий власти, стремящейся усилить своё положение на политической арене.

Вторая модель — это модель *партия власти — доминантный игрок*, развивавшаяся в 2003—2007 годах. Эта модель характеризуется усилением Центра и, как следствие, силы (партии), представляющей центральную власть. Первоначальное хрупкое равновесие между действующей властью и оппозицией сменяется доминированием одной силы при помощи различных инструментов давления, как на представителей оппозиции, так и на граждан страны. Мультиполярность политического поля сменяется однополярностью, поскольку многие политические силы удаляются с политической арены, в основном при помощи законодательных механизмов, а оставшиеся по возможности кооптируются в качестве «попутчиков» режима [4, с. 99] и становятся системной оппозицией, подконтрольной влиянию Кремля.

Третья модель — это модель *слома электорального авторитаризма*, характерная для периода 2008—2012 годов. Она заключается в укреплении фасадных институтов демократии, которые были созданы ещё в предыдущий период за счёт проведения мнимой либерализации политической сферы. При этом, власть производит шаги, призванные гарантировать её абсолютный монополизм в течение длительного срока и расширить её полномочия и контроль над повесткой дня. Тем не менее, непредвиденная мобилизация оппозиции и её активная деятельность, приведшая к потере властными элитами части своих позиций, приводит современный российский режим к кризису, в перспективе позволяющий говорить о том, что власть столкнётся с новыми проблемами, связанными с удержанием монопольной власти.

Проверка гипотез

Для анализа нашего кейса мы подвергаем проверке следующие гипотезы:

Гипотеза 1: Главным фактором, определившим консолидацию российского гибридного режима, стала деятельность политических элит, подконтрольных центральной власти, на региональном уровне. Она проявлялась в монополизации принятия решений в региональных законодательных собраниях депутатами от правящей партии, удалении оппозиционных акторов с политической арены и фальсификации результатов выборов местными элитами.

Гипотеза 2: Главным фактором, определившим консолидацию российского гибридного режима, стала зависимость региональных бюджетов от федеральных трансфертов. Местная политическая элита непосредственно влияла на электоральный результат правящей партии в регионе, с целью сохранения своего места в политической конъюнктуре и получения выигрышей, обусловленных экономическими мотивами.

Для проверки наших гипотез необходимо провести статистический анализ при помощи множественной линейной регрессии. Мы будем проверять гипотезу на примере выборов в Государственную Думу четвёртого, пятого и шестого созывов.

Сначала проведём анализ выборов в Государственную Думу четвёртого созыва в 2003 году. Для этого сконструируем одну зависимую и 2 независимых переменных. В качестве зависимой переменной будет выступать *Индекс демократичности выборов в российских регионах* Независимого института социальной политики [8]. Он выражается в степени независимости СМИ, уровне развития коррупции и гражданского общества, открытости и демократичности проводимых выборов и уровне политического плюрализма. В качестве независимых переменных выступают те, которые должны показать фасадность российских демократических институтов и проявление этого факта в итоговых результатах выборов в Государственную Думу и в механизме её работы. Первая переменная — это *Индекс финансовой независимости регионального бюджета* [7], иными словами, эта переменная показывает степень зависимости регионов от федеральных дотаций. Предполагается, что низы «вертикали власти» зависимых от федеральных трансфертов регионов, которые не обладают собственными ресурсами для развития местной экономики, могли обеспечить необходимое количество голосов партии «Единая Россия» с целью получения наибольшего выигрыша. Данные для переменной взяты с сайта института

«Общественная экспертиза». Вторая переменная — это *Результат кандидата Путина на президентских выборах 2000 года* [6]. Эта переменная должна показать уровень влияния президента страны на результаты партии, которая впоследствии стала инструментом продавливания политических решений, и удержания власти в руках главы государства. Иными словами, она должна показать насколько элиты, позволившие Владимиру Путину победить на выборах в 2000 году, связаны с победой «Единой России» в 2003. Основным источником данных для этой переменной является сайт Центральной избирательной комиссии. Результаты анализа представлены в Модели 1 (Таблица 1).

Для анализа выборов в Государственную Думу пятого и шестого созывов были разработаны Модели 2 и 3, соответственно. Зависимая переменная остаётся той же — *Индекс демократичности выборов в российских регионах*. В качестве независимых переменных в Модели 2 берутся *Результат кандидата Путина на президентских выборах 2004 года* [1], *Индекс финансовой независимости регионального бюджета* и *Региональный рейтинг монополии* [7] (выражающийся в проценте мандатов «Единой России», полученном на прошлых выборах). Данные для переменных взяты на сайтах Центральной избирательной комиссии и института «Общественная экспертиза». Результаты анализа выборов в Государственную Думу пятого созыва представлены в Модели 2 (Таблица 1).

В качестве независимых переменных в Модели 3 берутся *Результат кандидата Медведева на президентских выборах 2008 года* [9], *Индекс финансовой независимости регионального бюджета* и *Региональный рейтинг монополии*. Данные для переменных взяты на сайтах Центральной избирательной комиссии и института «Общественная экспертиза». Результаты анализа выборов в Государственную Думу шестого созыва представлены в Модели 3 (Таблица 1). В целом, данные были взяты по 89 регионам для анализа выборов в Госдуму четвёртого созыва, по 85 для анализа выборов в Госдуму пятого созыва и 83 для анализа выборов в Госдуму шестого созыва.

Таблица 1.

**Консолидация гибридного режима в Российской Федерации
(зависимая переменная — Индекс демократичности выборов
в российских регионах)**

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	Стандартизированные Бета-коэффициенты		
<i>Индекс финансовой независимости регионального бюджета</i>	0,342**	0,441**	0,299*
<i>Результат кандидата Путина на президентских выборах 2000 года</i>	0,040		
<i>Результат кандидата Путина на президентских выборах 2004 года</i>		-0,171	
<i>Результат кандидата Медведева на президентских выборах 2008 года</i>			-0,472**
<i>Региональный рейтинг монополии</i>		-0,395**	-0,198
<i>R - квадрат</i>	0,120	0,312	0,441
<i>Скорректированный R-квадрат</i>	0,098	0,282	0,416
<i>Количество наблюдений (N)</i>	89	85	83

* Корреляция значима на уровне 0.05;

** Корреляция значима на уровне 0.01

Проверка гипотезы 1: Главным фактором, определившим консолидацию российского гибридного режима, стала зависимость региональных бюджетов от федеральных трансфертов.

Полученные данные говорят о том, что во время выборов в Государственную Думу четвёртого созыва (**Модель 1**) наиболее значимым фактором являлась зависимость или независимость региона от федеральных трансфертов: процент, полученный «Единой Россией», негласно поддерживаемой главой государства, зависел от деятель-

ности местных чиновников, стремящихся не столько улучшить социально-экономические показатели своего региона, сколько сохранить своё место в системе «вертикали власти» за счёт влияния на электоральный процесс и получения необходимых центру результатов.

Этот фактор не потерял своей значимости и во время выборов 2007 года (Модель 2), когда положительная динамика роста ВВП и сверхдоходы от экспорта минеральных ресурсов позволили институционализировать практику поддержки «лояльных» регионов [5, с. 6].

Однако во время выборов в Государственную Думу шестого созыва (Модель 3), фактор экономической зависимости региона от центра становится менее значимым. Это объясняется следующим: экономический аспект электорального процесса вкупе с расширяющимся общественным движением за честные выборы теряет свою значимость в период начавшегося в России экономического кризиса. Таким образом, объяснительная способность гипотезы для Модели 3 является низкой, и мы не можем руководствоваться ею для интерпретации процесса консолидации гибридного режима в период всех трёх электоральных циклов. Исходя из этого, мы отвергаем данную гипотезу.

Проверка гипотезы 2: Главным фактором, определившим консолидацию российского гибридного режима, стала деятельность политических элит, подконтрольных центральной власти, на региональном уровне.

Проверяемая нами вторая гипотеза объединяет политэкономические факторы влияния на консолидацию российского гибридного режима.

В Модели 2 переменная, которая отражает деятельность политических элит — *Региональный рейтинг монополии*, который выражается в проценте мандатов «Единой России» в законодательном собрании региона, показала высокую значимость. К 2007 году «Единой России» удалось развить важный канал влияния на исход выборов — политический, который выражался в способности региональных правительств влиять на механизм подсчёта голосов и итоговый результат партии власти и оппозиции в рамках административного управления. К этому же пункту относятся и различные законодательные ограничения, такие как повышение проходного барьера или отмена избирательных блоков [2, с. 31], которые позволили «Единой России» укрепить свои и без того сильные позиции в регионах за счёт исключения большого количества политических игроков из электоральной гонки. Следует отметить отрицательную зависимость между зависимой и независимой

переменными: чем меньше мандатов «Единая Россия» имеет в регионе, тем более демократично проходят выборы.

Однако важно, что уже во время выборов 2011 года эта переменная в принципе потеряла всю значимость в статистической модели. Это объясняется тем, что президентом Медведевым была произведена массовая замена местных элит [2, с. 34], которые обеспечивали необходимые партии власти результаты в регионах — именно это стало одной из причин относительного провала «Единой России» на выборах в парламент.

Логичным является то, что данная переменная не была включена нами для проверки первой модели: о настоящем влиянии партии «Единая Россия» на политическую конъюнктуру страны можно говорить лишь с 2003 года, когда она стала лидером на выборах в Государственную Думу четвёртого созыва. Развитие разветвлённой региональной сети, позволившей партии власти в 2007 году получить необходимое для доминирования в парламенте количество мандатов, происходило в период между выборами в Государственную Думу: с 2003 по 2007 год.

В Модели 3 наиболее значимой переменной оказался *Результат кандидата Медведева на президентских выборах 2008 года*. Её значимость объясняется тем, что механизмы фальсификации, поддерживаемые политическими элитами на местном уровне, действовали эффективно во время выборов президента в 2008 году и продолжили определённым (хоть и менее успешным) образом функционировать даже в условиях «чистки кадров» и массовых протестов.

Однако фактор влияния президентских выборов в Модели 1 оказался незначимым, что говорит о том, что связи между относительно конкурентными выборами 2000 года и «низями» вертикали власти, которые прошли процесс институционализации и стали участвовать в процессе фальсификации результатов голосования в 2003 году, нет. Аналогичная ситуация наблюдается и при анализе выборов в Государственную Думу пятого созыва: переменная *Результат кандидата Путина на президентских выборах 2004 года* не является значимой (хоть и имеет большой коэффициент). Следует отметить отрицательную зависимость между результатами выборов президента и индексом демократичности регионов: чем больший процент получил Путин на выборах в регионе, тем менее демократично прошли выборы.

Высокая значимость переменной *Индекс финансовой независимости регионального бюджета* в первой и второй модели и наличие значимости в третьей модели также подтверждает выдвинутую нами

гипотезу: она показывает высокую зависимость результатов, полученных правящей партией в определённом регионе от внеправовой деятельности местных элит, стремящихся получить наибольшее финансирование от федерального центра. Таким образом, данная гипотеза раскрывает не только цель политических акторов в каждый из электоральных циклов — стремление сохранить своё место инкумбента при помощи различных каналов взаимодействия с центральной властью, но и показывает эволюцию механизма влияния на исход выборов. Малая эффективность такого механизма в условиях отсутствия доминантного игрока в начале 2000-х годов сменяется чёткой системой с экономическими и политическими каналами взаимодействия «центр-регион». Данная гипотеза обладает объяснительной способностью во всех трех моделях, именно поэтому мы можем принять её.

Заключение

Нами был проведён анализ гибридного режима Российской Федерации на протяжении его двенадцатилетней истории. Можно сделать вывод о развитии наиважнейшей тенденции — увеличения вмешательства действующей власти в каждый из этапов выборного процесса с целью усиления своих доминантных позиций на политической арене. Новейшая политическая история России может рассматриваться нами через призму трёх моделей.

Первая модель — это модель *зарождающегося электорального авторитаризма*, характерная для периода 2000—2003 годов. Эта модель характеризуется первоначальной относительной конкурентоспособностью всех участников политического процесса при ограниченном контроле действующей власти над электоральным процессом. Впоследствии этот статус-кво изменяется под действием законодательных и манипулятивных действий власти, стремящейся усилить своё положение на политической арене.

Вторая модель — это модель *партия власти — доминантный игрок*, развивавшаяся в 2003—2007 годах. Эта модель характеризуется усилением Центра и, как следствие, силы (партии), представляющей центральную власть. Первоначальное хрупкое равновесие между действующей властью и оппозицией сменяется доминированием одной силы при помощи различных инструментов давления, как на представителей оппозиции, так и на граждан страны. Мультиполярность политического поля сменяется однополярностью, поскольку многие политические силы удаляются с политической арены, в основном при помощи законодательных механизмов, а оставшиеся по возможности

кооптируются в качестве «попутчиков» режима [2, с. 99], и становятся системной оппозицией, подконтрольной влиянию Кремля.

Третья модель — это модель *слома электорального авторитаризма*, характерная для периода 2008—2012 годов. Она заключается в укреплении фасадных институтов демократии, которые были созданы ещё в предыдущий период за счёт проведения мнимой либерализации политической сферы. При этом власть производит шаги, призванные гарантировать её абсолютный монополизм в течение длительного срока и расширить её полномочия и контроль над повесткой дня. Тем не менее, непредвиденная мобилизация оппозиции и её активная деятельность, приведшая к потере властными элитами части своих позиций, приводит современный российский режим к кризису, в перспективе позволяющий говорить о том, что власть столкнётся с новыми проблемами, связанными с удержанием монопольной власти. Цена противодействия оппозиционным политическим структурам и сохранения статуса-кво может оказаться слишком высокой.

Из полученных в результате статистического анализа результатов можно сделать вывод, что начиная с 2003 года действующая власть использует широкий спектр воздействия на электоральные исходы и механизмы работы политических институтов — экономическое манипулирование региональной политикой, фальсификацию на местном уровне через административные каналы, законодательное ограничение политической конкуренции и иерархию «вертикали власти», которая обеспечивает стабильность всей системы доминирования. Функционирование фасадных (подрывных) [3, с. 6] институциональных структур и механизм работы исполнительной и подконтрольной ей законодательной власти, основываются на деятельности региональных элит, что в совокупности ведёт к консолидации авторитарных тенденций в российской политике.

Список литературы:

1. Выборы Президента Российской Федерации. Данные на сайте ЦИК РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://pr2004.cikrf.ru/> (дата обращения: 07.01.14).
2. Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Январь-февраль. — С. 22—35.
3. Гельман В.Я. Подрывные институты и неформальное управление в современной России// Полития. — 2010. — № 2 (57). — С. 6—24.
4. Гельман В.Я. Трещины в стене // Pro et Contra. — 2012. — № 1—2. — С. 94—115.

5. Рогов К.Ю. Демократия-2010: Прошлое и будущее плюрализма в России // Pro et Contra. 2009. — С. 6—30.
6. Данные о выборах Президента Российской Федерации 2000 года на сайте ЦИК РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/ (дата обращения: 07.01.14).
7. Демократический аудит регионов. Предварительные результаты. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml> (дата обращения: 08.01.14).
8. Петров Н.В., Титков А.С. Социальный атлас российских регионов. Индекс демократичности. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml#reg_dif (дата обращения: 08.01.14).
9. Чуров В.Е., Конкин Н.Е. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 7 марта 2008 г. № 104/777-5 г. Москва. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2008/03/08/cik-president-dok.html> (дата обращения: 08.01.14).
10. Хантингтон С. Третья волна демократизации в конце XX века. С. М.: РОССПЭН, 2003. — 368 с.

СЕКЦИЯ 2.

ФИЛОСОФИЯ

2.1. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА

Вигель Нарине Липаритовна

*д-р. филос. наук, профессор кафедры Истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: 22nara@mail.ru*

HERMENEUTIC APPROACH TO UNDERSTANDING OF EDUCATIONAL TRANSLATION

Narine Wiegel

*Ph.D., professor of the department History and philosophy
Rostov state medical university,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрен герменевтический подход к проблеме понимания при учебном переводе. Предложены два этапа понимания в процессе обучения иностранному языку с помощью учебного перевода. Первый этап связан с процессом понимания текстов в процессе обучения, а второй этап с непосредственным переводом с иностранного языка — учебным переводом, который является одним из способов обучения иностранному языку.

ABSTRACT

This article is considered hermeneutic approach to understanding problem of educational translation. There are offered two stages of understanding in the course of training in a foreign language by means of the educational translation. The first stage is connected to process

of understanding of texts in the course of training, and the second stage with the direct translation from a foreign language — the educational translation what is one of ways of training in a foreign language.

Ключевые слова: герменевтика; познание; понимание; объяснение; учебный перевод.

Keywords: hermeneutics; knowledge; understanding; explanation; educational translation.

В настоящее время уделяется недостаточно внимания проблеме обучения в связи с пониманием, нет анализа процесса понимания и его составляющих, а также его места в интерпретации, что неразрывно связано с приобретением и закреплением знаний студентами, несмотря на значительное количество работ по методике обучения.

С другой стороны, нет каких-либо исследований, связанных с проблемой обучения, в философских работах по теории познания и герменевтике. «Нет описания хотя бы общих положений взаимосвязи понимания и обучения, какова роль понимания в обучении, в каких конкретных видах обучения понимание наиболее важно, можно ли считать герменевтический подход инструментом в достижении истины в процессе обучения и в чем преимущество такого подхода» [1, с. 45]. «Структурализм, как непосредственный предшественник постмодернизма, доминировавший в философии на протяжении 50-х и большей части 60-х годов XX века, формировался вокруг лингвистической модели» [3, с. 49]. На протяжении большей части последнего столетия под влиянием таких философов как Витгенштейн, Куайн, Хайдеггер и Гадамер «проблема языка в философии становилась важнее» [3, с. 48]. «Отчетливо выраженный поворот к языку» как таковому был принят М. Фуко [3, с. 48].

Нами предпринята попытка применения теоретических основ герменевтической философии к одной из сфер практической деятельности человека. Именно при обучении, когда необходимо проникновение в суть предмета актуально герменевтическое понимание, которое связано с нашими ожиданиями и «выборочным сочетанием главных и второстепенных культур» [5, с. 9]. Еще Платон говорил о том, что философствование начинается с удивления, которое заставляет нас думать, размышлять, потому что мы не можем продвинуться вперед, исходя из наших ожиданий. «Культура каждой личности состоит из главных и второстепенных аспектов культуры» [5, с. 9], что имеет немаловажное значение в процессе

обучения иному языку. Кроме того, «сама личность (обучающийся) ощущает смешение и сочетание культур [5, с. 9].

Мы выдвигаем два этапа понимания в процессе обучения иностранному языку с помощью учебного перевода.

Первый этап мы связываем с процессом понимания текстов в процессе обучения, а второй этап с непосредственным переводом с иностранного языка — учебным переводом, который является одним из способов обучения иностранному языку.

Остановимся подробнее на 1-ом этапе герменевтического понимания текста. При обучении вообще, в процессе чтения и изучения какого-либо текста мы сначала сталкиваемся со словами и их значениями, т. е. с семантикой. Семантика — значения единиц языка.

«Читая текст первый раз у нас складываются определенные ожидания от этого текста» [1, с. 46]. Прочитывая этот же текст второй, третий и последующие разы изменяется и корректируется наше понимание текста, т. е. наши ожидания опираются на текст, который не поддается нашему пониманию. Вследствие чего возникает постепенное понимание текста, проникновение в суть. Мы постепенно переводим текста на язык своей субъективности. Задача преподавателя состоит в том, чтобы студент адекватно воспринял текст. «Адекватность восприятия преподаватель может выяснить при помощи вопросо-ответного метода, при помощи диалога» [1, с. 47].

В ходе своих изысканий мы избрали ту область обучения, которая связана с обучением иностранному языку в ходе учебного перевода на русский язык, где, как нам представляется, наиболее ярко проявляется процесс понимания текста на иностранном языке и его интерпретация — перевод на русский язык. Настоящее бедствие перевода в том, что единство замысла, заключенное в предложении, невозможно передать путем простой замены его членов соответствующими членами предложения другого языка, и переведенные книги представляют собой набор букв, их которых вынули дух, что представляет собой грань ««незнания» или «невежества»» [2, с. 80]. Уникальное свойство языка, утрачиваемое при переводе, состоит в том, что любое слово в нем порождает другое, каждое слово в языке, так сказать, побуждается другим, вызывая к жизни новые слова и открывая путь речевому потоку. «Переведенное предложение, если, конечно, маститый переводчик не преобразил его так, что мы перестаем замечать стоящее за ним живое предложение оригинала — всего лишь карта в сравнении с ландшафтом» [1, с. 48].

Следует отметить, что понимание на родном языке по существу не надстраивается над слышанием, а немного опережает его. «Едва дослушав говорящего, мы уже продумываем ту или иную версию смысла» [1, с. 48]. По мнению Г.-Г. Гадамера понимание скользит по поверхности слов не зря, оно также, как слова родного языка способствует пониманию, но иногда они имеют свойство делаться вдруг непонятными. В этом случае мы понимаем текст уже меньше. С другой стороны, нет сомнения, что работа над переводом проясняет со своей стороны загадку единого «всечеловеческого» языка. «Язык представляет собой весь мир человека, а мир человека — весь мир вообще» [3, с. 48]. Когда ставится задача перевода, то при условии определенных знаний, он получается сам собой. Известно, что дети-билингвы переводят не замечая лексики, а имея ввиду только смысл говорящего. «Билингвы отличаются от монолингвов в процессах воспроизводства» [4, с. 12].

Таким образом, перевод осознается как невозможность перед лицом «языкового барьера», и работа над переводом в таком случае провоцирует интеллектуальную операцию с текстом. Попытка изучить язык «приемами», используемыми при «логических построениях», не дает нужного результата. Переделка слов в условные знаки происходит, когда сознание делает чужой язык предметом познания. Языковой барьер переводчика есть не столько незнание, сколько знание чужого языка. Знание иностранного языка ставит между нами и им языковой барьер, из-за которого иностранный язык не перестает быть странным.

Как части языка, слова указывают на вещи, а языковые категории и структуры (морфология, синтаксис) на отношения внутри мира, так и язык в целом — знак целого мира, причем цельность языка — знак целого целого. Предистолкованность мира в языке намекает на смысл мира, не связывая нас обязанностью наводить между ними однозначные соответствия.

Список литературы:

1. Алоян Н.Л. Герменевтический аспект обучения в контексте философии культуры: диссертация кандидата философских наук / СКНЦ ВШ. Ростов-н/Д., 1999. — 117 с.
2. Алоян Н.Л. Свобода и необходимость в древнегреческой трагедии // Философия права. — 2008. — № 3. — С. 77—80.
3. Алоян Н.Л., Черникова В.Е. Человек в современном культурном пространстве. Изд-во «Антей». Ростов-н/Д., 2009.

4. Вигель Н.Л. К вопросу о психолингвистике и нейролингвистике билингвизма и особенностях билингвальной психологии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 37. — С. 11—15.
5. Вигель Н.Л. Феномен билингвизма в эпоху постмодерна // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 37. — С. 6—11.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА

Вигель Нарине Липаритовна

*д-р. филос. наук, профессор кафедры Истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: 22nara@mail.ru*

FEATURES OF TRAINING IN THE COURSE OF EDUCATIONAL TRANSLATION

Narine Wiegel

*Ph.D., professor of the department History and philosophy
Rostov state medical university,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены особенности обучения учебному переводу в процессе обучения иностранному языку в вузе, а именно развитие способностей отбора языковых средств с учетом структурных, семантических и стилистических особенностей изучаемых функциональных стилей на языке перевода, также особенностей «культурных знаковых систем».

ABSTRACT

This article is considered features of training of the educational translation during the course of training in foreign (English) language in higher education institution, namely development of abilities of selection of language means taking into account structural, semantic and stylistic

features of studied functional styles in target language, the features of "cultural sign systems" also.

Ключевые слова: понимание; объяснение; учебный перевод; культурные знаковые системы.

Keywords: understanding; explanation; educational translation; cultural sign systems.

Известно, что перевод с одного языка на другой дает возможность ознакомиться с другой культурой, изучить ее и совершенствовать свою. Так происходит взаимообогащение культур, их развитие за счет заимствований. «Перевод — важнейший орган существования культуры и всего человечества» [1, с. 50]. Перевод вводит человека в область новой мысли, обогащая при этом его интеллект, расширяя объем его знаний, что находит практическое применение, в частности, при изучении иностранного языка, который выступает не только как средство общения, но и как способ развития мышления. «Сознание не только полностью пронизывается языком и не существует вне языка, но и «бессознательно структурировано так же, как язык» [2, с. 50]. Р. Барт считал, что «говорит именно язык, а не автор» [2, с. 50]. Ницше и Хайдеггер выдвигали теории о том, что «другой язык или измененное отношение к языку могут дать иное понимание» [2, с. 50].

Объектом исследования перевода как одного из средств изучения иностранного языка является соответствие двух элементов, единиц системы двух языков, что также непосредственно связано с проблемами общего и сопоставительного языкознания, о чем неоднократно писали многие известные лингвисты, и, в частности, Н.А. Читалина, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, а также американский лингвист Ю. Найда, английский лингвист Дж. Кэтфорд и другие. В этом случае имеют дело с конкретными вопросами грамматики, лексикологии, фразеологии, идиоматики, синонимии, лексикографии, стилистики конкретного языка.

Обучение студентов переводу возможно при условии работы с двумя языками сразу, что «характеризует «языковую открытость» [3, с. 7]. Сопоставительные пары языков — родного и иностранного — необходимы на этапе чисто языкового обучения студента. Когда он постигает особенности иностранного языка, грамматические правила или правила лексической сочетаемости, то неизбежно проводятся параллели с правилами родного языка, хотя методической основой у нас является метод беспереводного обучения иностранному языку. При переводе студенту приходится иметь дело

с текстом, содержание которого выражено средствами исходного языка и неразрывно с ним связано. Поэтому «основная задача при обучении переводу — научить студента видеть и чувствовать мысль, выраженную словами и формами одного языка, а затем передать ее в словах и формах другого языка, не исказив содержания и не нарушая правил грамматики, выбора слов и сочетаемости языка перевода» [1, с. 51]. Наряду с развитием переводческих навыков учебный перевод способствует обогащению словарного запаса студентов, овладению специфической лексикой и фразеологией английского языка, овладению синонимическими ресурсами английского языка и развитию у студентов способности отбора языковых средств с учетом структурных, семантических и стилистических особенностей изучаемых функциональных стилей на языке перевода, а также особенностей «культурных знаковых систем» [2, с. 49].

Из практики мы знаем, что студенты, даже хорошо успевающие по грамматике, часто не видят ее связь с текстом, не ощущают связи формы и содержания. А это обычно ведет к искажению содержания переводимого. Обучение переводу особенно на начальном этапе — одна из труднейших задач, стоящих перед преподавателем. Основным условием такого подхода является развитие у студентов умения рассматривать переводимый материал не как набор отдельных слов, грамматических конструкций и фраз, а как единый текст, состоящий из органически увязанных друг с другом лексических, грамматических и стилистических средств, которые в своей совокупности обеспечивают максимальное, но не полное доведение до конца содержащейся в тексте информации. С этой целью необходимо обучение студентов элементарным навыкам и приемам грамматических и лексических трансформаций текста и их комбинированного использования в процессе перевода. При этом «анализ текста оригинала при переводе проводится обязательно в плане сопоставления двух языков» [1, с. 51]. Студент привык изучать язык со школьной скамьи, но до этого момента его не учили тесной связи плана содержания и плана выражения, не учили выбирать отдельные значения плана выражения, чтобы облечь содержание в эквивалентные формы языка перевода. Здесь необходимое «кодовое включение» [3, с. 7]. В связи с этим было бы уместно напомнить им одно из известнейших определений процесса перевода, данное Д.С. Бархударовым, перевод есть замена плана выражения без применения плана содержания.

Начинающий заниматься переводом студент допускает ряд упущений и ошибок, порой забывая, что плана содержания не существует без плана выражения. Поэтому первейшая задача

преподавателя — научить студента анализировать текст, его лексические и грамматические особенности и искать им языковые эквиваленты, нередко функциональные, в языке перевода, учитывая при этом особенности владения обоими языками на этом этапе обучения.

Студенты должны знать, что при переводе надо учитывать и уметь передать смысловую нагрузку формы исходного текста, при этом перевод не должен быть буквальным, передающим некую совокупность лексических и грамматических знаний. Переводящий должен уметь пользоваться функциональными заменами, которые помогают воссоздать в переводе как содержание, так и форму переводимого текста.

Для этого в первую очередь рассматривается проблема вычленения логического центра высказывания и сопоставления способов его оформления в иностранном и в родном языках, а также связанные с этим синтаксические перестройки предложения, изменения порядка слов при переводе.

В этой связи возникает вопрос о сущности перевода. Ценность знаний по переводу определяется тем, какие типичные переводческие трудности и приемы перевода были изучены на учебном материале, и, что из изученного на занятии студенты могут применить при переводе оригиналов.

Список литературы:

1. Алоян Н.Л. Герменевтический аспект обучения в контексте философии культуры: диссертация кандидата философских наук / СКНЦ ВШ. Ростов-н/Д., 1999. — 117 с.
2. Алоян Н.Л., Черникова В.Е. Человек в современном культурном пространстве. Изд-во «Антей». Ростов-н/Д., 2009. — 290 с.
3. Вигель Н.Л. Феномен билингвизма в эпоху постмодерна // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 37. — С. 6—11.

ГЮБРИС КАК ФАКТОР ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРИРОДЫ

Сурков Владимир Владимирович

*аспирант кафедры философии и социологии
Сумской государственной педагогической университет
им. А. С. Макаренко,
Украина, г. Сумы
E-mail: vokrus@ukr.net*

HUBRIS AS A FACTOR OF HUMAN ALIENATION FROM NATURE

Vladimir Surkov

*graduate student of the Department of Philosophy and Sociology
of Anton Makarenko Sumy State Pedagogical University,
Ukraine, Sumy*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие «гюбрис» как деструктивный тип мироотношения в контексте «человек-природа». Проанализированы научные и публицистические источники, в которых анализируются проявления гюбриса и его истоки. Утверждается, что гюбрис подлежит ограничению ради формирования более адекватного мироотношения человека.

ABSTRACT

The article discusses the concept of "hubris" as destructive ideology type in the context of "human and nature". Various scientific and journalistic sources are analyzed. It is alleged that hubris is to be limited for developing a more adequate ideology.

Ключевые слова: гюбрис; экофеминизм; глобальная справедливость.

Keywords: hubris; eco-feminism; global justice.

Понятие «гюбрис» («гибрис») возникло в древнегреческой культуре и обозначало чрезмерную гордость, которая приводит к утрате человеком понимания границ дозволенного ему и подталкивает его к совершению фатальных ошибок, расплата за которые

приходит в форме немезиса — гнева богов. Классический пример — Икар, пожелавший взлететь слишком высоко. Сегодня термин «гюбрис» обрел «второе дыхание» в научных работах и особенно публицистике западных авторов. Он используется для характеристики такого мироотношения индивидов и социальных групп, которое проявляется как излишняя самоуверенность и утрата связи с реальностью. В частности, слово гюбрис популярно среди религиозных философов, экофеминистов и представителей других течений, которые негативно оценивают чрезмерную эксплуатацию человеком природы.

Каково же доминирующее отношение человека к природе на сегодняшний день? В. Пламвуд выделяет в нем такие черты: увеличение и максимизация количества и повышение важности различий и ликвидации, отрицание, минимизация общих качеств, принятие природы как должного и отрицание важности ее вклада в развитие человеческой цивилизации; объективация природы, когда только люди воспринимаются как единые объекты морального рассмотрения, а «остальное» определяется сквозь призму целесообразности; игнорирование или отрицание разнообразия в природе [3].

Ж. Ладриер видит в этом «дерзостный империализм по отношению к действительности», а в результатах его применения — «карикатуру осуществления царства Божьего» [1]. К. Швабе утверждает, что пока невозможно однозначно определить этические границы технологического освоения мира, и «только религия может объяснить, почему человеку следует смиренно доверять Богу свою судьбу, вместо того чтобы довериться науке, которая поможет ему создавать «дизайнерских детей» [2].

Слово «гюбрис» активно использует в своих работах М. Сведиш. Автор анализирует конкретные примеры конфликта человека и природы. Среди них — разрушительные разливы реки Миссисипи, аварии на глубоководных нефтяных платформах, уменьшение биоразнообразия на планете и др.. По мнению М. Сведиш, корень зла — человеческий гюбрис: «...когда вы живете снаружи природы (как будто это когда-либо было возможно), когда вы считаете, что ваш особый вид является настолько мощным, и доминирующим, и высшим, что вы можете порвать с законами природы и жить, несмотря на них, вы обречены на такого рода бедствия» [7].

А. Джеймисон, в свою очередь, поднимает проблему неопределенности последствий применения нанотехнологий для человека и природы в целом, а потому считает оптимистичные обещания

нанотехнологов и их спонсоров проявлением гюбриса [5]. Дж. Швейцер [6] обвиняет человека в гюбрисе, считая, что он ошибочно поставил себя выше других биологических видов на основании таких критериев, как использование орудий труда и возникновение культуры.

Помимо констатации человеческого гюбриса в отношении с природой, рядом авторов предпринимаются попытки проанализировать мировоззренческие источники этого явления. Они усматривают в гюбрисе религиозные и философские корни.

Д. Нобл называет развитие технонауки «проектом о трансценденности», когда человек стремится воссоздать свое первичное совершенство [цит. по: 3], а Ж. Ладриер считает, что научный гюбрис — это «один из видов проявления основного стремления, которое можно назвать волей властвовать, при условии, что под этим подразумевается не психологическое состояние, играющее только второстепенную роль, а расположение духа, превращающее всю жизнь человека в восстание против жизни, ведущее к безусловному самоутверждению и, в конечном итоге, к обожествлению человека» [1].

Другие исследователи видят истоки гюбриса по отношению к природе в философии Просвещения, в частности, картезианском рационализме. «Современная мораль, берущая свое начало в эпохе Просвещения, сознательно ограничивается кругом межличностных моральных проблем и не дает принципиальных аргументов против безграничного технического прогресса. Среди понятий, которыми она оперирует, отсутствует термин, который был известен в античные времена: гюбрис, непомерная гордыня, побуждающая человека к нарушению божественной воли», — пишет К. Швабе [2]. Дж. Хит усматривает начало гюбриса в рационалистском тезисе об отделении рационального ума от физического тела и эмоций — «природной» части личности [4]. На основании того, что человек признает себя единственным носителем разума, верит в то, что существует отдельно от природы и является существом высшим по отношению к природе. При этом возможности разума часто переоцениваются, а закрепленный в традициях опыт и интуиция, наоборот, недооцениваются.

Гюбрисом некоторые исследователи считают и техноцентризм нашей цивилизации — вера в то, что с помощью дальнейшего развития технологий человечество в будущем сможет решить те проблемы, которые технологии создают сегодня. Вместо поиска альтернативных подходов к взаимодействию с природой, техноцентристы отстаивают существующую парадигму развития и настаивают на активизации тех процессов, которые породили экологическую

проблему. На смену гюбрису, который человечество демонстрирует по отношению к природе, им должна быть принята иная мировоззренческая позиция, в основе которой лежал бы отказ от субъект-объектного воздействия в пользу субъект-субъектного взаимодействия. Борьба за это уже ведется как на уровне общественных организаций, так и научно-исследовательских организаций. Примерами могут служить Daedalus Trust и направление исследований Лондонского университета Св. Георгия, Кембриджского университета и др.

Список литературы:

1. Ладриер Ж. Как научная деятельность включается в христианскую жизнь [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/nauka_i_religiya/Ladrier_Nauka-jizn_3g-all.shtml (дата обращения 24.06.2014).
2. Швабе К. «Запрограммированный» человек — генная инженерия и будущее общества [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/den/fem/ru9726370.htm> (дата обращения 24.06.2014).
3. Andrews N. Hubris, ecological crisis and psychological threat [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://cultureprobe.wordpress.com/2014/01/29/hubris-ecological-crisis-and-psychological-threat/> (дата обращения 24.06.2014).
4. Heath J. The hubris of modern rationalism [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://fullcomment.nationalpost.com/2014/04/15/joseph-heath-the-hubris-of-modern-rationalism/> (дата обращения 24.06.2014).
5. Jamison A. Can Nanotechnology Be Just? On Nanotechnology and the Emerging Movement for Global Justice [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11569-009-0064-0#page-1> (дата обращения 24.06.2014).
6. Schweitzer J. Tool Use, Culture and Human Hubris [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.huffingtonpost.com/jeff-schweitzer/tool-use-culture-and-huma_b_2617830.html (дата обращения 24.06.2014).
7. Swedish M. Human hubris — the long sad tale of the Mississippi River [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ecologicalhope.org/featured/human-hubris-the-long-sad-tale-of-the-mississippi-river/> (дата обращения 24.06.2014).

2.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КОНЦЕПЦИИ А. КОЙРЕ И Т. КУНА

Котлярова Виктория Валентиновна

канд. филос. наук, доцент,

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)

Донского государственного технического университета,

РФ, Ростовская область, г. Шахты

E-mail: Biktoria66@mail.ru

THE SCIENTIFIC REVOLUTION: THE CONCEPT OF A. KOYRE AND T. KUHN

Viktoriya Kotlyarova

candidate of philosophical sciences,

associate professor Don State Technical University

Institute of the service sector and entrepreneurship (department),

Russia, Rostov region, Schachty

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется понятие научной революции. Прослеживается становление данного термина в концепциях А. Койре и Т. Куна. Подчеркивается значимость парадигмального подхода для исследования динамики научного знания.

ABSTRACT

This article analyzes the concept of scientific revolution. Traced the emergence of the term in the concept of A. Koyre and T. Kuhn. The significance of paradigmatic approach to study the dynamics of scientific knowledge.

Ключевые слова: динамика развития науки; научная революция; парадигма; парадигмальный подход; философия науки.

Keywords: dynamics of development of science; scientific revolution; paradigm; paradigmatic approach; philosophy of science.

В начале XXI в. тенденцией развития постнеклассической науки выступает стремление к воссозданию целостной системы научного знания, анализ динамики научного знания. В обозначенном контексте особое значение придается определению научной революции. Автор в данной статье предпринимает попытку рассмотрения обозначенной категории в концепциях Т. Куна и А. Койре.

В современной философии науки существует два основных подхода к проблеме развития научного знания: эссенциалистский и экзистенциальный. Основанием эссенциалистского способа изучения науки в логическом позитивизме стала мысль о единстве научного знания, наука представляется логически стройной и эмпирически обоснованной системой высказываний, лишенной любой историчности. С середины двадцатого века начинает активно развиваться экзистенциальный подход в философии науки, в русле которого отвергается тезис об универсальности научной методологии и актуализируется идея множественности исторических типов науки. В философии постпозитивизма выделяется два дивергентных направления: первое рассматривает динамику науки помощью нормативных принципов логического характера, регулирующих это развитие (И. Лакатос, К. Поппер и др.), второе направление переносит акцент на социально-психологические детерминанты развития научного знания (Т. Кун, С. Тулмин и др.).

Т. Кун, доказывая отсутствие в реальном развитии науки рациональности и непрерывности, зависимость динамики науки от вненаучных факторов и идей, приближает философию науки к социологии, психологии и истории, и, тем самым, начинает совершенно новый этап философской рефлексии развития научного знания. Речь идет о публикации в 1962 г. знаменитой работы Т. Куна «Структура научных революций», вызвавшей всплеск интереса к понятиям «научная революция», «парадигма» и разработанному Т. Куном парадигмальному подходу. Своей популярностью концепция Т. Куна обязана, прежде всего, использованию понятия «парадигма» и модели «научная революция».

Популярность парадигмальной методологии закономерно актуализирует вопрос — что же может выступать в качестве основной предпосылки разработки парадигмального подхода? Для ответа обратимся к предисловию к «Структуре...». Т. Кун ссылается на работы А.В. Койре, Ж. Пиаже, Е. Мецгера, Л. Флека и др. как на ведущие теоретические источники собственных идей о природе научного познания и роли вненаучных факторов в формировании эпистемологической модели науки [2, с. 6—7].

Французский философ и историк русского происхождения Александр Владимирович Койре создает общую философско-историографическую концепцию Научной революции XVII века. Мыслитель с самых первых своих работ, пытается показать суть и важность зафиксированных в науке XVII в. изменений, становясь одним из первых создателей канонического образа научной революции, определившим ее границы и содержание. Главным философским достижением А.В. Койре становится исследование идейных предпосылок и развития научной революции XVI—XVII вв. вплоть до научных открытий Ньютона включительно [1]. Достаточно очевидно, что выбор тех идей и событий, определяющих структуру Научной революции в концепции А. Койре, обуславливается социально значимым результатом этой революции — созданием и распространением нового знания о материальном мире. А. Койре утверждает, что научная революция была обусловлена не более точными наблюдениями, а концептуальными изменениями, появлением нового, а именно математического, типа мышления. В этом смысле А.В. Койре выступает интеллектуальным наследником Р. Декарта, в то время как англоязычные коллеги Т. Куна в области философии больше тяготеют к взглядам Ф. Бэкона. И та борьба, которая впоследствии разворачивается вокруг «Структуры ...», становится современным вариантом давнего спора между рационализмом и эмпиризмом.

В концепции Т. Куна научная революция развивается в результате смены парадигмы и перехода от одной нормальной науки к другой. В соответствии с моделью Т. Куна, в периоды революций завязывается конкурентная борьба парадигм, разворачиваемая между сообществами. Победа новой парадигмы в этой непримиримой борьбе определяется не научными, а социально-психологическими факторами (это связано с «несоизмеримостью» теорий, порожденных различными парадигмами). Т. Кун задает следующую систему понятий: термином «нормальная наука» называется исследование, имеющее опору в одном или нескольких значительных научных достижениях прошлого, признаваемых конкретным научным сообществом как необходимая основа его практической деятельности в последующем. В современном мире, считает Т. Кун, такие фундаментальные достижения представлены в обширной учебной литературе. До начала XIX в. подобную функцию реализовывали известные классические труды ученых, довольно долго и в значительной степени неявно определяя значимость «проблем и методов исследования каждой области науки для последующих поколений ученых» [2, с. 28]. Согласно позиции Т. Куна, такая

ситуация была возможна благодаря наличию двух существенных особенностей данных трудов. Во-первых, их создание стало в большой степени выдающимся фактом, позволяющим привлекать на длительное время группу исследователей из конкурирующих научных направлений. Во-вторых, данные исследования являлись весьма открытыми, чтобы все новые и новые поколения ученых смогли, действуя в их рамках, определить для себя актуальные, еще нерешенные проблемы. «Достижения, обладающие двумя этими характеристиками, я буду далее называть «парадигмами» [2, с. 28].

Модель развития науки, предложенная Т. Куном проста и несовершенна, но исключительно принципиальна, т. к. выбор новой парадигмы Т. Кун описывает не в когнитивных, а в психологических терминах, представляющих этот процесс в качестве переключения гештальта. Каждая парадигма, согласно Т. Куну обладает, как минимум, тремя аспектами: наиболее общая картина рационального устройства природы, дисциплинарная матрица и общепризнанный образец, шаблон. Именно поэтому смена парадигм представляет собой не только смену разных картин мира, но и трансформацию систем ценностей, научных способов решения, методологии исследования, измерения и наблюдения явлений, социокультурных практик.

Необходимо отметить, что отношение к работе Т. Куна было далеко не однозначным и включало ряд противоречивых оценок — от полнейшей поддержки до полного неприятия его идей. В данном контексте весьма интересной выступает самооценка автора парадигмального подхода: Т. Кун «скромно» считал, что ему удалось осчастливить человечество и науку двумя значительными открытиями: во-первых, определение общего механизма генезиса любой науки как единства «нормальной науки и некумулятивных скачков», во-вторых, большим вкладом считал введение в научный оборот понятия «парадигма»: «Если я был в чем-то оригинальным при рассмотрении подобных понятий, то это следует отнести главным образом к применению их к наукам, то есть к областям, которые во многом развивались иначе. По-видимому, понятие парадигмы как конкретного достижения, как образца является вторым моим вкладом в разработку проблем развития науки» [2, с. 271].

В принципе в первом «открытии» он не изобрел ничего нового, поскольку и из диалектики Г. Гегеля, и из диалектико-материалистического учения, сформулированного классиками марксизма, был известен закон перехода количества в качество. Согласно ему все в мире, включая науку, развивается через разрыв в постепенности, благодаря переходу от незаметных, скрытых количественных

накоплений (в данном случае в «нормальной науке») к изменениям открытым, коренным, качественным, что Т. Кун и называет «научными революциями». На наш взгляд, его рассуждения о роли научных парадигм и уточнении этапов (стадий) их развития следует считать действительно новшеством — Т. Кун впервые обратил внимание на глубокие преобразования и их социокультурный контекст, которыми характеризуются некоторые исторические периоды развития научных идей. Никакие другие концепции известных исследователей («личностное знание» и «спонтанный порядок» М. Полани, «фальсифицируемость» К. Поппера, «исследовательская программа» и «рациональная реконструкция» И. Лакатоса, «эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда) не пользовались такой популярностью.

Таким образом, основанием исследования научной революции в концепции Т. Куна выступают работы историков науки и доктрина постпозитивизма, исследующая научное знание в его динамике, выявляющая формы развития знания и тем самым отличающаяся от неопозитивизма, акцентирующего внимание на анализе структуры науки. Т. Кун во многом продолжает и развивает идеи, ранее обоснованные А.В. Койре, включая в парадигмальную модель динамики научного знания принцип историзма, заимствованный у А.В. Койре. Гипотеза Куна породила больше вопросов, чем ответов. Например, на сам вопрос о происхождении теорий так и не последовало ответа, ведь научная парадигма тоже складывается задним числом, когда уже созрел целый комплекс конкретных научных теорий. К тому же не получается ясного отграничения революционных и нормальных периодов развития науки. Однако эти претензии современников выражали не отрицание, а как раз признание его понятий научной революции и парадигмы, поскольку речь шла о разработке упомянутых открытых вопросов. Вводя понятие «парадигмы» применительно к изучению истории развития науки, Т. Кун, на наш взгляд, не абсолютизировал линейность парадигм, считая, что также необходимо проследивать и другие направления в развитии науки.

Список литературы:

1. Койре А. Очерки истории философской мысли / под ред. А.П. Юшкевича. М., 1985. — 282 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭСТЕТИКИ Ф. ШЕЛЛИНГА И В.С. СОЛОВЬЕВА (ФИЛИАЦИЯ ИДЕЙ)

Петрык Янина Юрьевна
канд. филос. наук, доцент
Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: p_yanina@mail.ru

CERTAIN PROVISIONS OF AESTHETICS F. SCHELLING AND V. SOLOVIEV (CONTINUITY OF IDEAS)

Petryk Yanina
candidate of Philosophy, docent of "Kuban State University",
Russia, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является анализ преемственности эстетических идей Ф. Шеллинга и В. Соловьева. Важными представляются два тезиса: воплощение абсолюта через красоту и соотношение философии и искусства в практике воплощения абсолюта. Прослеживается глубокая взаимосвязь эстетики Ф. Шеллинга и В. Соловьева.

ABSTRACT

The purpose of this article is to analyze the continuity of aesthetic ideas of F. Schelling, and V. Soloviev. Two ideas are important: the embodiment of the absolute through the beauty and the correlation of philosophy and art in the practice of realization of the absolute. The profound relationship is being traced between aesthetics of F. Schelling and of V. Soloviev.

Ключевые слова: красота; искусство; эстетический пантеизм.
Keywords: beauty; art; aesthetic pantheism.

Кризис — явление циклическое. Ввиду повторяемости данного феномена, философы выявили следующую закономерность: в сложный, мировоззренчески переломный период, возрастает интерес к этике и антропологии (П.С. Гуревич), знаниям, содержащим важные экзистенциальные ориентиры. Не менее значительным для кризисного сознания предстает интерес к эстетическому феномену, по той

же причине: эстетика, как и другие «центрированные» человеком науки, хранит важные смысложизненные ценности.

В кризисную эпоху человек снова апеллирует к важнейшим авторитетам прошлого с целью поиска новых смысловых нюансов всегда полисемантических философских текстов, желая включить в современное искусство, и в опыт собственного бытия, все богатство мировой культуры. Подобное обращение к прошлому становится необходимым, чтобы почерпнуть в многообразном наследии культуры пути выхода из мировоззренческого тупика. В этой связи, еще одно «прикосновение» к немецкой классической философии, в лице Ф. Шеллинга, может стать интересным.

О влиянии немецкой классики на становление эстетических идей русской философии написано немало (А.В. Гулыга, П.С. Попов, Н.А. Кормин, М.Ф. Овсянников), однако более четко обозначить доминантные положения, составляющие суть данной филиации, представляется, несомненно, делом важным. Отслеживая преемственность идей, не следует умалять самобытности мыслителя, тотально унифицируя положения его философии. Очень важно бережно и трепетно отнестись к миру ценностей философа. Необходимо понять «философию искусства» «изнутри мира» Ф. Шеллинга и эстетических приоритетов В.С. Соловьева.

Ф. Шеллинг создал произведение, которое наиболее полно отразило теоретические построения философа в области эстетического знания. И хотя «Философия искусства» не издавалась при жизни автора, в данном труде были обозначены те субстанциональные идеи, которые сыграют существенную роль в становлении эстетики русского символизма. Основоположником русского философского символизма стал В.С. Соловьев. Философ не создал, к сожалению, специального труда посвященного эстетике, однако в целом ряде теоретических работ и литературно-критических статей, мыслителю удалось наиболее полно и теоретически слаженно развить и обогатить эстетические интенции немецкой классики.

Существенную роль в эстетике названных мыслителей сыграли две основополагающие идеи: *постижение универсума через красоту и соотношение философии и искусства в деле постижения истинно-сущего.*

Опираясь на переписку Ф. Шеллинга с А. Шлегелем, П.С. Попов, излагая состав и генезис «Философии искусства», свидетельствует о том, что философ изначально не хотел создавать чистую «теорию искусства», которая не соответствовала бы его внутренней синтетической установке. Ф. Шеллинг стремился создать всеобъемлющую

систему, в которой искусство играло бы отнюдь не последнюю роль, так как саму задачу искусства мыслитель видел «в ... изображении подлинно сущего» [3, с. 299].

Его философия — это «философия универсума», где «универсум, пребывая в абсолютном в качестве органического целого, также пребывает в нем как художественное целое...» [7, с. 12]. Таким образом, созданная Ф. Шеллингом философия искусства — это наука об универсуме, выраженная категориями искусства. Художественная целостность универсуму сообщается единством и полнотой идеи, а так как «отдельных красот нет — прекрасно лишь целое» [7, с. 57], красота в данном универсуме выполняет «синтетическую функцию» [1, с. 452], «вселенная — это бог.....в вечной красоте» [7, с. 59]. Подобная концепция Ф. Шеллинга в самом своем основании являя собой эстетический пантеизм, согласно которому в полноте абсолютной идеи, в триаде истины, добра и красоты, красота способствует постижению универсума, и логические формы только ограничивают, а эстетические расширяют возможности его духовного постижения.

Русская философия изначально тяготела к эстетическому пантеизму, поэтому удивительно созвучным этому положению, оказывается утверждение В.С. Соловьева о том, что философия представляет собой «органическое развитие первоначального понятия об абсолютном» [6, с. 371], объективным положительным содержанием которой могла быть только цельная идея, истинно-сущее, безусловное, которое в своей целостности «не дается ...ни внешней наблюдаемой реальностью, на которую полагается положительная наука, ...ни чистым разумом, на котором основывается отвлеченная философия» [6, с. 192]. Область теоретической мысли с необходимостью сливается с областью художественного, эстетического, мистического воплощения смысла, которые успешнее и эффективнее, нежели понятийное мышление, справляются с задачей охватить «все в единстве», ввиду того, что открывающаяся логическим знанием «сумма определенностей не может исчерпать собой все бытие» [2, с. 101]. В.С. Соловьев, таким образом, выводит следующий постулат: не все области подчиняются логическому определению, но игнорировать их при попытке построения окончательного знания об истинно-сущем невозможно.

Ф. Шеллинг, исходя из кантовской триады истины, добра и красоты, связывает истину с необходимостью, добро со свободой, а красоту понимает как синтез свободы и необходимости. Следуя в своем трансцендентальном идеализме за И. Кантом и И. Фихте,

мыслитель стремится обосновать единение теоретического разума с практическим, свободы с необходимостью, и в подобной синтетичности красота предстает как неразличимость последних, как выраженная в конечном бесконечность.

В.С. Соловьев в качестве образующих элементов абсолютной идеи, составляющих её положительное содержание, также называет три начала — истину, добро и красоту, которые представляют собой «совершенное единство», являясь ни какими-нибудь «отдельными сущностями, а только тремя формами и образами, в которых является для различных объектов одно и то же, а именно идея, в которой обитает вся полнота Божества» [4, с. 89]. Положительные начала являют собой абсолютную солидарность и гармонию существующего, достойное и идеальное бытие, элементы которого невозможно мыслить в отдельности друг от друга, так как связь истины добра и красоты онтологична. При этом, В.С. Соловьев особо отмечает, что красота именно в произведении искусства «очищается ото всех материальных случайностей... усиливается, выступает ярче...» [5, с. 73], а «совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [5, с. 89].

Таким образом, развивая идею Ф. Шеллинга о *постижении универсума через красоту*, прежде всего, выраженную в искусстве, В.С. Соловьев вместе с тем свидетельствует о том, что «законная автономия» красоты (её особый статус у Ф. Шеллинга) не приводит к «эстетическому сепаратизму» [5, с. 91], так как «красота есть воплощение в чувственных формах того самого идеального содержания, которое до такого воплощения называется добром и истиною...» [4, с. 392]. Следовательно, становится возможной реализация основного тезиса обоих мыслителей, который можно наиболее точно выразить высказыванием В.С. Соловьева: *«абсолютное осуществляет благо через истину в красоте»*. Красота, тем самым, является одним из важнейших элементов той цельной и полной идеи, к которой стремится приобщиться философия и путем раскрытия которой является искусство.

Второй существенной идеей, которая обращает на себя внимание в эстетике Ф. Шеллинга, является *соотношение философии и искусства в деле постижения истинно-сущего*.

Эстетический пантеизм Ф. Шеллинга, рассмотренный целым рядом авторитетных исследователей (А.В. Гульга, В.Н. Колесников), выразился в особой познавательной роли искусства, как универсального

метода, благодаря которому возможно, посредством художественных образов прикоснуться к «иным» мирам, так как искусство мыслится, как возможность человека подняться от чувственно созерцаемых явлений до умопостигаемого смысла. Искусство есть способ «зримого изображения Бога» (Ф. Шеллинг), восхождение к первообразу, и потому оно в состоянии ввести человека в высшую реальность. Ф. Шеллинг пишет: «...в деле воспроизведения бесконечного (искусство) стоит на равной высоте с философией: если последняя воспроизводит абсолютное данное в первообразе, то искусство — абсолютное, данное в отображении...» [7, с. 67], «если для философии абсолютное есть первообраз истины, то для искусства оно первообраз красоты» [7, с. 68]. При этом Ф. Шеллинг настойчиво напоминает: «истина и красота суть лишь два различных способа созерцания единого абсолютного» [7, с. 68]. Философия есть «абсолютное созерцание (безусловно-единого) в отдельных формах без упразднения самого абсолютного (идеи), а искусство «созерцает первообраз красоты только в идеях как особенных формах...». Таким образом, Ф. Шеллинг наделяет философию особенным статусом, но и статус искусства также необычайно высок. «Искусство является составной частью и одновременно иллюстрацией истины» [1, с. 454]. Те эмпирические абстракции, на которых строилось искусство, оценивались не ниже теоретических абстракции. Просто процесс образования отвлеченного понятия управляется более сложными законами. Искусство не просто оформляет переживания, но оно изначально направлено «ни на чувственное, но на красоту, возвышающуюся над всякой чувственностью» [7, с. 225].

Развивая учение об искусстве, Ф. Шеллинг четко проговаривает различия целей стоящих перед искусством и философией. «Философа не должно занимать ничего из того, что обыденное сознание называет искусством: для него искусство, необходимое явление, непосредственно вытекающее из абсолюта» [7, с. 48]. Искусство обращено к «вечной красоте», тогда как философии следует лицецереть «первообразы истины». В то же время, в мыслительном процессе философ вправе обратиться к художественному материалу, так как посредством искусства философия «доходит до лицецерения ...первообразов всего прекрасного» [7, с. 62].

Шеллинг особо отмечает то, что «искусство может стать предметом знания в философии» [7, с. 51], так как «та истинность, которую философ должен в искусстве прозреть и представить, есть истина высшего порядка, составляющая полное единство с абсолютной красотой, истина идей» [7, с. 53], кроме того возможна философия

искусства, как «чисто умозрительная наука об искусстве», интеллектуальное созерцание искусства». А «наукой» «философию искусства» Ф. Шеллинг именуется оттого, что призывает «отмежеваться от бездумной чувственности...» [7, с. 48].

Вместе с тем, он четко разграничивает и разводит в разные стороны данные феномены: «философия, несмотря на внутреннее тождество с искусством остается всегда и необходимо наукой, то есть идеальным, искусство же всегда и необходимо искусством, то есть реальным...» [7, с. 52]. Ф. Шеллинг утверждает: «...если общая философия дает нам радость созерцать строгий лик истины самой по себе и для себя, то в этой особенной сфере философии, охватывающей философию искусства, мы доходим до лицемерия вечной красоты...» [7, с. 62].

Таким образом, с гносеологической точки зрения, искусство, несмотря на признание его особой роли, мыслилось, скорее как паллиатив, в нем нивелировалось целостное видение, которое признавалось только за философией. Приемы, средства и результаты искусства вводилось в философский дискурс лишь как иллюстрация той или иной философской теории, а художественный материал воспринимался как сфера приложения готовых идей, где мыслитель выступал в роли просветителя и их распространителя. Философия, как и научное познание, претендовали на универсальность, тогда как искусство оказывалось средством художественного выражения определенного содержания. В.С. Соловьев разовьет данную идею, придаст искусству более существенный не только гносеологический, когнитивный, но и практически — созидательный статус.

В работе «Философские начала цельного знания» В.С. Соловьев также довольно обстоятельно разъясняет родство философии и искусства и подробно обосновывает их отличие. Изящное искусство, убежден мыслитель, к философии находится в наиболее близком отношении, так как именно искусство «по своему формальному принципу представляет аналогию с философией» [6, с. 197]. Кроме того, красота, являющаяся важным элементом художественного творчества, мыслится как неотчуждаемая от «отвлеченного философского элемента» [6, с. 405], значимой составляющей которого является постижение истины. В этой связи В.С. Соловьев отмечает, что «невозможно ...исключительное искусство ... совершенно независимое от теоретического элемента» [6, с. 311]. Однако, полагает В.С. Соловьев смысл искусства состоит не в идеях, а в чувственном выражении идей, открывая тем самым «совершенно новую сферу действия» и воплощения истины. Таким образом, за изящным

художеством мыслителем закрепляется право на способность восходить к цельной идее, лежащей в основании познания, и становится возможным содержательным моментом в «исполнении истины» [4, с. 247]. У философии и искусства единый объект воплощения и осуществления (истинно-сущее), тогда как отличие состоит только в том, что искусство имеет своим референтом конкретную идею, а философия стремится охватить всю совокупность идей в их целостности (Н.А. Кормин).

Искусство в данном случае, объявляется свободным творческим актом, в котором красота «не зависит от наших субъективных представлений» [4, с. 364]. Красота объективна, а задача художника открывать истинно-сущее в наглядной и ясной форме, выявляя объективность красоты, и не допуская простой иллюстративности или обыкновенной дескриптивности. Искусство, мыслилось В.С. Соловьевым не простым высвечиванием готовых идей, но особой мыслительной конструкцией, где опыт художественного творчества рассматривался как максимально значимый в осуществлении и воплощении истинно-сущего.

Следовательно, едины мыслители в том, что искусство в состоянии постигать универсум, являясь важнейшим проявлением красоты, и то, что не доступно дискурсивному разумению, находит воплощение в художественной форме искусства. Однако у Ф. Шеллинга искусство, несмотря на его высокой когнитивный статус, более пассивно, созерцательно, оно есть более познавательная, нежели деятельная область знания. И хотя Ф. Шеллинг стремился уничтожить грань между искусством и жизнью, признавая магический произвол творческой субъективности, искусство в его толковании не было призвано «преображать» и пересозидать саму жизнь. У В.С. Соловьева искусство более активно и самостоятельно, требует «пересоздания» самой жизни, так как изначально преобразует мир духовной силой красоты. Сама истина, пророчествовал В.С. Соловьев, должна будет «переместиться в сферу эстетическую» [6, с. 812], предрекая, таким образом, всеобщую эстетизацию самой жизни.

Резюмируя выше сказанное, следует отметить, что современная культура, несомненно, не осталась безучастна к воззрениям обоих мыслителей, которые с удивительной проницательностью предвещали дальнейшую «поэтизацию» не только философских доктрин, но и артизацию социально- политического бытия, возникновение концепций эстетики собственного существования, и даже эстетики повседневности, полагая, что красота как форма постижения

и воплощения истинно-сущего перестанет быть чем-то сакральным и трансцендентным для человека будущего.

Список литературы:

1. Гилберт К., Кун Г. История эстетики. М.: Прогресс, 2000. — 316 с.
2. Кормин Н.А. Философская эстетика Вл. Соловьева. М.: ИФРАН, 2001. — 187 с.
3. Литературная теория немецкого романтизма. Под ред. Н.Я. Берковского. Л.: Издательство писателей, 1934. — 329 с.
4. Соловьев В.С. Сочинение в 2-х томах. М.: Мысль, — 1990, — 2 т. — 824 с.
5. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. — 701 с.
6. Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. — 912 с.
7. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. — 487 с.

2.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ИНТЕРАКТИВНОМ КИНО И КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Самойлова Елена Олеговна

аспирант, ассистент

Пятигорского государственного лингвистического университета,

РФ, г. Пятигорск

E-mail: blu_sky_angel@mail.ru

PECULIARITIES OF VISUALIZATION IN INTERACTIVE MOVIES AND COMPUTER GAMES

Elena Samoylova

post graduate student,

assistant of Pyatigorsk State Linguistic University,

Russia, Pyatigorsk

*Исследование выполнено в рамках Государственного задания
«Исследование знака и смысла в структуре дискурса виртуального
пространства» (Проект № 2695)*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются особенности визуализации образов в интерактивном кино и компьютерных играх. Образы в таких проявлениях виртуальной реальности как интерактивное кино и компьютерные игры напрямую связаны с глубиной и качеством погружения зрителя/игрока, что достигается с помощью обращения к зрительному каналу восприятия.

ABSTRACT

This article analyzes the characteristics of the visualization of images in interactive movies and computer games. The images in these forms of virtual reality as an interactive movie and computer games are directly related to the depth and quality of the immersion of the viewer / player, which is achieved by referring to the perception of the visual channel.

Ключевые слова: виртуальная реальность; компьютерные игры; интерактивное кино; киберпространство.

Keywords: virtual reality; computer games; interactive movie; cyberspace.

Как известно, исследования виртуальной реальности, в настоящий момент, являются одной из самых бурно развивающихся областей современной науки. Разработкой проблем виртуальной реальности занимаются физики, географы, программисты, логики, философы и др. Ее изучению посвящены труды отечественных (И.А. Акчурина, Н.А. Носов, Говорунов А.В. Н.Б. Маньковская, А.Ю. Севальников и др.) и зарубежных ученых (У. Эко, М.Г. Маклюэн, М. Бэтти, А. Бюль и др.). Так, согласно мнению А.Ю. Севальникова, под виртуальной реальностью следует воспринимать среду, созданную определёнными устройствами, в которую человек, погружаясь, ощущает себя как в другом мире [2, с. 210]. Определение М.Б. Маньковской также затрагивает технологическую сторону виртуальной реальности. Однако, она отмечает тот факт, что виртуальную реальность можно изменять, взаимодействовать с нею при этом испытывая реальные ощущения [1, с. 328]. Ярким примером взаимодействия человека и виртуальной реальности могут стать современные компьютерные игры и игры для приставок. Компьютерная игра, как частное проявление виртуальной реальности, может быть отнесена к таковой по ряду причин:

1. наличие собственного уникального игрового мира, созданного при помощи компьютерных технологий;
2. наличие уникальных не-играбельных (non-playable) персонажей;
3. прямое взаимодействие с человеком через устройства управления (клавиатура, мышь, джойстик, шлем, очки, руль и т. д.);
4. возможность модифицировать игровую реальность посредством действий игрока (создание собственного персонажа и его модификация, прохождение игры: выбор из 2 или более вариантов);
5. наличие собственного игрового времени, не связанного со временем реальным.

Все это дает нам право рассматривать виртуальный мир компьютерной игры как особую виртуальную реальность, в рамках которой происходит интеракция виртуального мира, мира реального и человека.

Современные компьютерные игры обладают высокой степенью визуализации, что позволяет человеку максимально глубоко

проникнуть в виртуальный мир, почувствовать себя его частью. В последние годы (с 2008 г.) становится популярным в игровой среде жанр интерактивного кино, когда человек, играя за персонажа, выбирает одну из нескольких сюжетных линий, которые ведут к той или иной концовке, причем каждое действие игрока может привести к различному финалу. Интересным является тот факт, что главные герои в таких играх зачастую реальные люди-актеры, приглашенные студией для озвучивания и для съемки. Известно, что и раньше разработчики брали внешность той или иной модели или актера для создания образа героев, но на этом участие «живых» людей было ограничено. Так, например, был создан образ известной всему миру Лары Крофт — расхитительницы гробниц. Однако, в интерактивных играх игрок может ощутить себя «реальным» «живым» человеком. Так, недавно известный испанский режиссер Гильермо дель Торо, и японский разработчик компьютерных игр Хидео Кодзима анонсировали выход новой компьютерной игры «Сайлент Хиллс» (“**Silent Hills**”), главную роль в которой сыграет американский актер Норман Ридус. Ниже (рис. 1 и рис. 2), вы можете увидеть фотографию живого актера и кадр из игрового ролика (фотографии взяты из сети Интернет).

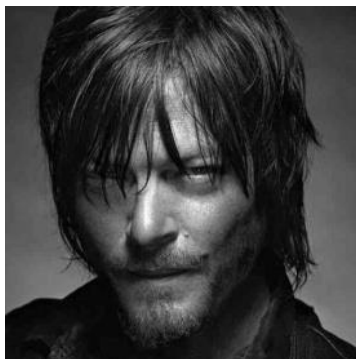

Рисунок 1. Фотография актера

Рисунок 2. Кадр из новой игры

Как мы можем судить, разработчики попытались максимально реалистично передать внешние данные актера, максимально приблизить его компьютерную модель к реальному человеку, тем самым увеличив степень погруженности игрока в игровой процесс и в виртуальную реальность. Создание таких компьютерных образов вызывает адекватные образы у человека, о которых писал еще А. Бюль. Автор в своей книге «Виртуальное общество XXI века», отмечал различные черты виртуальной реальности, среди которых мы бы хотели остановиться на эффекте реальности, и уже упомянутом нами эффекте адекватности [3, р. 209]. Согласно автору, эффект реальности состоит в том, что виртуальный мир программируется таким образом, что у человека не возникает сомнений в его реальности [3, р. 219]. Эффект адекватности, состоит в том, что пользователь компьютерной игры воспринимает образы характерные данной игре, и следовательно характерные его действиям в самой игре [3, р. 321], т. е. совершив зло в игре, ваш персонаж потеряет очки, или изменится его сюжетная линия. Это отчетливо видно на примере компьютерных игр, жанра интерактивного кино. Например, **«За гранью: две души» (“Beyond two souls”)** — игра в стиле интерактивного кино, где игроку предстоит играть за девушку-телепата и ее духа. От действия игрока зависит исход игры, в которой более 8 концовок. Так, например, вы можете взаимодействовать с остальными персонажами в игре или наоборот быть изгоем, посещать вечеринки или остаться дома, творить добро или зло — все это приведет к тому или иному исходу. Как и в случае с “Silent Hills”, в игре снимались и озвучивали ее реальные актеры — канадская актриса Эллен Пейдж и американский актер Уиллем Дефо.

Рисунок 1. Фотография актрисы

Рисунок 2. Кадр из игры

На приведенных выше примерах, фотографиях, мы можем видеть максимальное сходство компьютерной модели и реального человека. Добиваясь такого сходства, помимо упомянутых нами выше эффектов, разработчики преследовали следующие цели:

1. максимально погрузить человека в виртуальную реальность;
2. приблизить компьютерный образ к образу «живого человека»;
3. вызвать эмпатию у игрока, заставить его сопереживать его герою;
4. заставить человека отвлечься от «реальных» проблем, реализовав себя в виртуальном мире;

5. использование различных сенситивных способностей человека, для осуществления погружения (слух, зрение, тактильные ощущения);

6. помимо пространственной погруженности в виртуальную реальность вызвать временную погруженность (например, в той же «За гранью: две души» игрок проживает 16 лет, в то время как в реальности пройдет 10 часов).

Другим примером интерактивного кино стала игра «**Проливной дождь**» (“**Heavy rain**”), в которой игроку предстоит раскрыть серию убийств. Так как это игра жанра интерактивного кино, разработчики решили создать в ней более 28. В настоящий момент эта компьютерная игра является лидером по разветвлённости сюжета. Такой сюжет позволяет игроку проходить игру несколько раз, меняя свои решения. Зачастую в реальном времени человек, сделав выбор, не может изменить его, не может отмотать время вспять, однако, в компьютерной игре это стало возможным. С таким выбором концовок и персонажей игрок испытывает полное погружение в мрачный мир «**Проливного дождя**».

Итак, подводя итог вышесказанному можно сделать вывод, что компьютерные игры представляют собой особого рода виртуальную реальность, погружаясь в которую человек испытывает те или иные чувства, а также «пространственные» и «временные» изменения. Жанр интерактивного кино, столь популярный в компьютерных играх, предоставляет игроку свободу действия и возможность сделать свой выбор в игре. Кинематографичность персонажей и сходство их с реальными людьми делает возможным более глубокое погружение в виртуальную реальность.

Список литературы:

1. Маньковская Н.Б. Виртуалистика: художественно-эстетический аспект // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 384 с.
2. Севальников А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 384 с.
3. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. — 526 p.

2.4. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ В ХОДЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Шаповал Галина Николаевна

*канд. филос. наук, ассистент кафедры истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,*

РФ, г. Ростов-на-Дону

E-mail: sgalinka@rambler.ru

CIVIL QUALITIES EDUCATION IN THE PROCESS OF MEDICAL STUDENTS' CIVIL LEGAL ACTIVITY FORMATION

Shapoval Galina

*candidate of Science, assistant of history and philosophy department
of Rostov-on-Don State Medical University,*

Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает особенности воспитания гражданских качеств при обучении студентов-медиков. Особое внимание уделяется таким способам формирования активной гражданско-правовой позиции, как волонтерское движение и учебная экскурсия. Автор приходит к выводу о том, что включение студентов в различные виды общественно значимой деятельности существенно расширяет сферу их социального общения, возможности усвоения социальных ценностей и формирования нравственных качеств личности.

ABSTRACT

The author regards peculiarities of civil qualities education in the process of medical students' teaching. A special attention is given to such ways to form an active civil-legal position as volunteering and an educational excursion. The author concludes that participation of students in different aspects of social activities greatly enlarges the sphere of their social communication, possibilities of social values assimilation and a person's moral qualities formation.

Ключевые слова: личность; компетентность; социальные ценности; патриотизм; волонтерство; гражданский долг; экскурсия.

Keywords: personality; competence; social values; patriotism; volunteering; civic duty; excursion.

Современный мир переживает период глобализации - эпоху всестороннего объединения человечества в едином пространстве информации и коммуникаций, превращения всей планеты в единый экономический рынок. Глобальное общество становится более открытым: свободное перемещение капитала, финансов, людей, информации стало основой современной концепции «мира без границ» [13, с. 21]. Глобализация предъявляет чрезвычайно высокие требования к конкурентоспособности национальной экономики. Сегодня конкурентоспособность страны — один из самых важных факторов развития глобальной экономики и политики, поскольку не только охватывает сугубо экономические показатели, но и оценивает последствия важных неэкономических явлений [14, с. 116]. Одной из основополагающих идей при создании и дальнейшем функционировании нового государства является идея гражданского воспитания общества и в первую очередь, молодежи, поэтому содержание высшего профессионального образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми и народами вне зависимости от их расовой, этнической, культурной и религиозной принадлежности [7, с. 378]. Современное общество диктует новые требования к личности, в которой должны гармонично сочетаться: высокая квалификация, виртуозное владение техникой, должный уровень компетентности в своей специальности в сочетании с социальной ответственностью и нравственными общечеловеческими ценностями [1, с. 102].

Качество результатов образовательной деятельности применительно к любому вузу, в том числе медицинскому, определяется качеством знаний и навыков выпускников, их активной гражданской позицией, уровнем культуры и нравственности, ведь врачебная ментальность — не врожденный феномен, а социально приобретенный. Гуманизация и гуманитаризация высшего медицинского образования ставит своей целью формирование нравственно и духовно развитого человека — будущего специалиста, вне зависимости от его национальной и культурной принадлежности, готового и способного гармонично сочетать образованность, профессионализм, духовность, нравственную воспитанность; это процесс, направленный на усвоение личностью гуманитарного знания, гуманитарной культуры, гуманитарного

потенциала медицины [12, с. 111]. Отсюда следует, что в медицинских и фармацевтических вузах гуманизации педпроцесса следует уделять должное внимание как в аудиторное время (на лекциях и семинарах), так и во внеаудиторное (на экскурсиях и воспитательных мероприятиях). Именно во внеаудиторное время студенты-медики имеют возможность применить свои знания на практике, воспроизвести в реальной жизни тот социальный опыт, который получили в теории [2, с. 5].

Для формирования социально ориентированного общества, становления гражданско-правовой активности молодежи необходимо вовлечение студентов в социально-полезную деятельность. Наиболее благоприятной средой для этого является учебное заведение, ведь обучение в вузе является важным периодом в жизни молодежи, в котором происходит профессиональное становление и завершается личностное самоопределение. Включение молодежи в различные виды общественно значимой деятельности существенно расширяет сферу их социального общения, возможности усвоения социальных ценностей, формирования нравственных качеств личности. Как известно, именно в коллективе формируются такие важнейшие мотивы поведения и деятельности человека, как чувство долга, коллективизм, товарищество. В целом гражданские качества могут быть охарактеризованы как:

- гражданский долг как осознанная система гражданских требований общества и государства, вызванных потребностями социальной необходимости и конкретными целями и задачами исторического этапа развития.
- гражданская ответственность как свойство личности, характеризующаяся стремлением и умением оценивать свое поведение с точки зрения пользы или вреда для общества
- гражданская совесть как способность личности к самоконтролю.
- чувство патриотизма и интернационализма
- чувство личной свободы как способность личности иметь убеждения, правильно отражающие ее личные и общественные интересы и возможность поступать в соответствии с этими убеждениями и т. д. [6, с. 100].

Практика показывает, что в процессе патриотического и духовно нравственного воспитания подростков в условиях вуза следует больше внимания уделять мероприятиям и экскурсиям, знакомящим с историей и культурой родного края и регионами РФ. Можно с уверенностью сказать, что образовательные экскурсии — это важный способ передачи новому поколению накопленного человечеством

жизненного опыта и материально-культурного наследия, формирования ценностных ориентаций, нравственного оздоровления и культурного развития нации, один из путей социализации личности. Экскурсионная работа предоставляет уникальную возможность пробудить у студентов чувство национального самосознания, воспитать уважение и терпимость к быту и обычаям других национальностей и народов. Так, например, студенты РостГМУ в аудиторное время на лекциях и семинарах по курсу «История Отечества» и «Политология» знакомятся с особенностями региона [10]: с формами, методами и масштабом агитационно-пропагандистской деятельности социалистов-революционеров на Дону в 1907—1910 гг. [9] и в 1912—1914 гг. [8], а во внеаудиторное время проводятся экскурсии по городу Ростову-на-Дону и Ростовской области, также студенты-медики принимают активное участие в волонтерском движении на Дону, в связи с чем этот аспект хотелось бы отметить особо.

Как известно, одним из средств развития гражданских качеств у студентов вузов является волонтерское движение, формирующее гуманистические идеалы, чувство социальной ответственности. Содействие развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространение волонтерства в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р отнесены к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики [6, с. 102]. Безусловно, волонтерское движение является одним из значимых направлений духовно-нравственного воспитания будущих медицинских работников, так как «проведение благотворительных акций, уход за тяжелобольными детьми, забота о ветеранах Великой Отечественной войны и труда, участие в компаниях по сдаче донорской крови учит милосердию, способности сопереживать чужую боль, способствует обучению молодых людей новым формам поведения, воспитывает личность, устойчивую к стрессам, способную самостоятельно и эффективно строить свою жизнь» [11, с. 103]. Волонтерство создает возможности для овладения студентами необходимыми с точки зрения общества социальными, духовными и эмоциональными ценностями (знаниями, убеждениями, умениями, нормами, отношениями, образцами поведения) [5]. Именно поэтому волонтерские инициативы следует рассматривать как эффективное средство формирования нравственных качеств, как форму самореализации и самоактуализации студенческой молодежи.

В заключении отметим, что знакомство студентов-медиков с историей нашей страны, с русской религиозной философией и приобщение их к морально-нравственному наследию отечественной медицины будет способствовать формированию мировоззрения студентов, их нравственному воспитанию и развитию национального самосознания, самоидентификации и самодетерминации личности, что, в конечном счете, приведет к трансформации нравственного сознания в нравственное отношение, а затем в конкретные дела на благо Родины [4, с. 131]. Эти знания, умения и навыки выпускнику медицинского вуза пригодятся при трудоустройстве, поскольку «социально-практическая компетентность врача, его нравственная и этически-правовая зрелость — важнейшие факторы качества оказываемой медицинской помощи» [3, с. 84—85].

Список литературы:

1. Агеева Н.А. Биозтика как новое синтетическое направление современной науки // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 6. — С. 100—108.
2. Агеева Н.А. Менталитет врача в контексте гуманизации высшего образования // Universum: Медицина и фармакология. — 2014. — № 4 (5). — С. 5.
3. Агеева Н.А. Профессиональная культура как нравственный императив деятельности врача // Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 6. — С. 77—86.
4. Агеева Н.А. Этический аспект проблемы взаимоотношения врача и пациента // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 5. — С. 131—139.
5. Богданова Е.В. Возможности волонтерской деятельности в социальном воспитании студентов / Е.В. Богданова, [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2675:2011-11-07-09-26-11&catid=110:2011-11-04-20-11-23&Itemid=206 (дата обращения 16.08.2014).
6. Гололобова А.В. Роль волонтерского движения в развитии гражданских качеств студентов медицинского вуза // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 1 — С. 99—105.
7. Камалова О.Н. Шаповал Г.Н. К вопросу о нравственном воспитании российских и иностранных студентов, обучающихся вместе. // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 2. — С. 378—381.
8. Крамская С.В. Деятельность ростовских социалистов-революционеров в годы нового революционного подъема (1912—1914 гг.) // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 4. — С. 2—11.

9. Крамская С.В. Деятельность социалистов-революционеров на Дону в 1907—1910 гг. // Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 2. — С. 19—29.
10. Крамская С.В. Революционные партии и культурно-просветительные организации на Дону (1910—1916 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2014. — № 2. — С. 51—54.
11. Крамская С.В. Роль воспитательного потенциала преподаваемых учебных дисциплин в педпроцессе медицинского вуза // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. № 40: сборник статей по материалам XL международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. — С. 99—103.
12. Шаповал Г.Н. Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения иностранных студентов-медиков. // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 33. — С. 108—112.
13. Шаповал Г.Н. Соотношение компетентностного подхода и качества образования в процессе инкультурации иностранных студентов. // Современные научные исследования. — 2012. — № 4 (1). — С. 21.
14. Шаповал Г.Н. Соотношение компетентностного подхода и качества образования в процессе инкультурации иностранных студентов. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2010. — № 2 — С. 106—117.

СЕКЦИЯ 3.

ИСТОРИЯ

3.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ОМСКОГО РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Азарова Людмила Васильевна

*канд. геогр. наук, профессор Российской академии естествознания,
доцент Омского государственного педагогического университета,
РФ, г. Омск*

E-mail: milazar55@yandex.ru

FACTORS AFFECTING THE DEVELOPMENT OF THE SECTORAL STRUCTURE OMSK REGION AT THE TURN OF THE SECOND AND THIRD MILLENNIA

Azarova Lyudmila

*candidate of geographical Sciences,
Professor Russian Academy of natural Sciences,
associate Professor Omsk state pedagogical University,
Russia, Omsk*

АННОТАЦИЯ

Цель исследования — выявить основные факторы, влияющие на изменение отраслевой структуры хозяйственного комплекса в субъектах Западной Сибири, на примере Омской области. Используются методы: статистико-аналитический и сравнительно-географический. Результатом является выявление совокупности ведущих факторов, влияющих на отраслевую структуру хозяйства (ОСХ) в исследуемом периоде.

ABSTRACT

The purpose of the study is to identify the main factors influencing the changes in the sectoral structure of the economy in the regions of Western Siberia, in the example of Omsk region. Methods: statistical, analytical and comparative geography. The result is the identification of the aggregate of the leading factors influencing the sectoral structure of the economy (OSH) in the examined period.

Ключевые слова: Западная Сибирь; омская область; факторы размещения отраслей; отраслевая структура хозяйственного комплекса.

Keywords: Western Siberia; Omsk region; factors placing sectors; the sectoral structure of economic complex.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что концепция факторов размещения производительных сил принадлежит к числу фундаментальных в различных научных направлениях исследований: географических, исторических, экономических и др. Анализ факторов размещения служит основным методом объяснения размещения и развития экономико-географических объектов. Отсюда автор статьи делает попытку анализа происшедших изменений в отраслевой структуре хозяйственного комплекса (далее — ОСХ) Омской области на рубеже XIX—XX вв. и выявление факторов, влияющих на развитие элементов этой структуры.

На рубеже тысячелетий Омская область становится, в том числе город Омск, крупной хозяйственной единицей народно-хозяйственного комплекса России. По статистическим данным на начало 90-х годов Омская область занимала 19-е место в России по объёму промышленного производства (в 2001 г. — 58-ое), а областной центр — город Омск занимал 4-е место среди промышленно-развитых городов страны после Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга [14, с. 71—75]. Только к концу 2011 году Омский регион занял прежние позиции по названным выше показателям.

Однако на протяжении прошлого столетия место и роль региона в экономике страны было различным. По-разному складывалась отраслевая ОСХ. На определенных этапах освоения территории Омской области складывалась своя отраслевая структура хозяйства [2; 3; 5], а также структура населения и особенности его размещения, структура поселений и характер использования им природно-ресурсного потенциала территории [7]. Становление и развитие ОСХ региона проходит постепенно, поэтапно под влиянием совокупности факторов и при решающей роли одного из них.

По мнению автора, основными факторами на разных этапах освоения территории Омского Прииртышья и развития отраслевой структуры хозяйственного комплекса становятся следующие:

- выгодное географическое положение (физико-географическое, транспортно-географическое, экономическое и рыночное) и др. [14, с. 67—71];

- строительство транссибирской железнодорожной магистрали (в XIX-XX вв. [3, с. 140-141];

- эвакуация промышленных предприятий и населения из прифронтной полосы (было переправлено более 100 различных заводов в период 1941—1945 гг.) [2, 12—14; 3, 144—145];

- использование природно-ресурсного потенциала омского региона и субъектов Западной Сибири [7, с. 9—39];

- освоение целинных и залежных земель и изменение сельскохозяйственной освоенности территории [1, с. 38—40];

- разработка нефтяных и газоносных месторождений Урала, Поволжья и Западной Сибири, а позднее Омской области (90-е годы XX столетия) [7, с. 9—39];

- строительство нефтеперерабатывающего комплекса в области [2, с. 15—18; 3, с. 145—148; 14, с. 101—103];

- обеспечение местными трудовыми и частично природными ресурсами;

- создание и расширение научно-технического потенциала региона;

- формирование многоотраслевого комплекса промышленности и сельскохозяйственного производства [5, с. 11—18; 6, с. 127—132].

- изменение политической и экономической политики государства в начале 90-х годов и др. В указанных выше работах раскрывается влияние фактора на развитие ОСХ в целом и его элементов в отдельности.

В результате анализа влияния факторов видно, что произошли значительные перемены в структуре и размещении элементов хозяйственного комплекса Омской области. За годы второго тысячелетия и, особенно в период 1997—2004 гг. произошли значительные перемены в структуре и размещении отраслей хозяйства Омской области. В начале 90-х годов ведущее положение в отраслевой структуре занимали отрасли военно-промышленного комплекса (ныне оборонно-промышленного), в том числе из них отрасли машиностроительного комплекса. Это было обусловлено влиянием на ОСХ эвакуации промышленных предприятий и населения в годы Великой

Отечественной войны. Омские предприятия ВПК (или как их называли предприятия «оборонки») до середины 80-х представляли статус градообразующих, обеспечивая работой порядка 200 тысяч человек [14, с. 94]. На этих предприятиях всегда престижно было трудиться из-за хорошего заработка и возможности профессионального роста. Творческие коллективы оборонных предприятий всегда считались элитой. Более 600 предприятий ВПК в целом в России имеют загрузку менее 20 %. Омский показатель выше среднестатистического в 2—2,5 раза [14, с. 95].

В начале 90-х годов ведущим и определяющим фактором является фактор перехода экономики страны к рыночным отношениям в мировом хозяйстве. Это привело к развитию в регионе топливной промышленности, машиностроения и металлообработки, производства конструкционных материалов и химической промышленности: нефтехимической и химической промышленности, нефтеперерабатывающей промышленности, а также отраслей пищевой промышленности и отдельных отраслей АПК области. Развитию этих отраслей способствовали не только политико-экономические факторы, но и сложившаяся отраслевая структура хозяйства в предыдущие этапы развития региона. Это привело к тому, что по основным экономическим показателям Омская область достигла к 2000 г. более высоких показателей среди субъектов СФО. Например, рост в области промышленного производства составил 11 %, по Сибирскому федеральному округу (СФО) 7,3 %, а по России в целом 9 %. Это было лучшим результатом из всех крупных промышленных регионов, входящих в СФО.

Исходя из анализа данных табл. 1 видно, что большая часть валового регионального продукта (далее — ВРП) создается в промышленности (около 55 %) и сельскохозяйственном производстве (около 35 %), причем доля последнего производства постепенно увеличивается, но доля создаваемого ВРП в промышленности постепенно снижается. Но это совсем не означает уменьшение значимости отраслей промышленности. По объему промышленного производства в конце рассматриваемого периода Омская область находилась на пятом месте по стране [13, с. 3]. Общий объем продукции, выпускаемой отраслями промышленности, постепенно увеличивается. Хорошая динамика наблюдается в этот период почти во всех отраслях промышленности — в пищевой промышленности, лесной и деревообрабатывающей, стройиндустрии, химической, нефтехимической и нефтеперерабатывающей. К началу первого десятилетия текущего столетия основными отраслями промышлен-

ности области являются — электроэнергетика, топливная, химическая и нефтехимическая, машиностроение и металлообработка, лесная и деревообрабатывающая, строительных материалов, легкая, пищевая и мукомольно-крупяная. Однако доля этих отраслей в объёме производства промышленной продукции составляла различную величину и постоянно изменялась.

К концу первого десятилетия наибольший прирост достигнут в химической и нефтехимической промышленности (34,8 %), машиностроении (25,9 %), легкой промышленности (14,80 %). Единственной отраслью, снизившей объёмы выпуска продукции, стали лесная и деревообрабатывающая промышленности [13, с. 79—80]. Происходит изменение места и доли отдельных отраслей промышленности, отраслевых и межотраслевых комплексов в создании промышленной продукции, ВРП. Если в начале 90-х годов ведущими в создании ВРП региона были отрасли машиностроительного комплекса (32,1 %), то к концу 90-х годов и началу первого десятилетия текущего столетия — отрасли топливно-энергетического комплекса (30,0 %) и комплекс отраслей пищевой промышленности (25,4 %) [15, с. 94].

Таблица 1.

Структура объема валового регионального продукта по основным отраслям хозяйства Омской области, в млн. руб./ % *

Объем ВРП	1990	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Всего	100	100	32152,5 100	29595,1 100	40591,1 100	48774,0 100	68953,9 100
Объем промышленности	8,1	21304,0	22458,0	13365,7	18799,0	28494,1	37376,5
			69,8	45,2	46,3	58,4	54,2
Объем продукции сельского хозяйства	3,2	6886,8	7078,1	6800,6	11431,1	15826,5	23741,6
			22,0	23,0	28,2	32,4	34,4
В том числе: продукция растениеводства	...	3551,1	3728,2	2713,7	5276,0	7453,0	11670,4
			11,6	9,2	13,0	15,3	16,9
продукции животноводства	...	3335,1	3349,9	4086,9	6155,1	8373,5	12071,2
			10,4	13,8	15,2	17,1	17,5

* До 1998 г. — млрд. руб.

Таблица составлена и рассчитана автором.

Источник: [11, с. 43; 12, с. 31].

К концу первого десятилетия произошло увеличение промышленной продукции как минимум в 2,4 раза. Это произошло в результате влияния таких факторов, как за счет внедрения новых технологий, дальнейшей разработки местных месторождений минерально-сырьевых ресурсов, но главное за счет пересмотра федерально-региональной политики. Поэтому зарекомендовали себя на уровне России специализированные программы — «СибВПКнефтегаз», «Ремтрансмаш», «Газификация» и др. [14].

Таким образом, анализ, выявление роли и влияния определенных факторов на развитие и размещение отраслей хозяйства позволяет выстроить и предопределить модель ОСХ на каждом этапе освоения территории Омской области, определить в дальнейшем стратегию развития элементов хозяйственного комплекса и совокупности мероприятий по их совершенствованию. Изучение совокупности факторов регионального развития дает возможность выявить потенциал регионального развития, что имеет и теоретическую и прикладную значимость результатов исследования.

Список литературы:

1. Азарова Л.В. Из истории освоения юга Западной Сибири во второй половине XX столетия // Степи Северной Евразии. Материалы VI международного симпозиума и VIII международной школы-семинара «Геоэкологические проблемы степных регионов» / Под научной редакцией члена-корреспондента РАН А.А. Чибилёва. Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ», ООО «Оренбургсервис, 2012. — С. 38—40.
2. Азарова Л.В. Изучение своей области: Этапы освоения территории Омской области и формирования территориально-отраслевой структуры хозяйства с конца XIX в. до начала 90-х годов XX в. Омск: КАН, 2000. — 32 с.
3. Азарова Л.В. Индустрия: формирование территориально-отраслевой структуры хозяйства Омской области // Земля, на которой мы живем: Природа и природопользование Омского Прииртышья. Омск: Полиграф, 2002. — С. 139—151.
4. Азарова Л.В. Омск на рубеже веков. Промышленное развитие // Альманах: Золотые страницы. Омский регион: Прошлое и настоящее. Промышленность. Строительство. Транспорт. Омск: Издательский Дом Омский регион; Новосибирск: Дантея. 2001. — С. 4—5.
5. Азарова Л.В. Особенности территориальной структуры хозяйственного комплекса в субъектах юга Западной Сибири // География мирового хозяйства: регионализм в условиях глобализации: материалы IV Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 2. / отв. ред. В.Н. Холина. М., 24—25 октября 2013 г. М.: РУДН, 2013. — С. 11—18.

6. Азарова Л.В. Основные направления в развитии хозяйственного комплекса Омской области и его основных элементов на рубеже II и III тысячелетий // Гуманитарный факультет Омского государственного университета. К 10-летию основания. 1995—2005 гг. : Сб. науч. и науч.-метод. работ. Омск: ООО «Издательско-полиграфический центр «Сфера». 2005. — С. 126—139.
7. Азарова Л.В. Природно-ресурсный потенциал региона. Западная Сибирь. Омская область. Учебное издание / Л.В. Азарова. 2-е изд., стереотип. Омск: Полиграфический центр КАН, 2013. — 132 с.
8. Азарова Л.В. Прогнозно-конструктивное направление исследования межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС) // История, природа, экономика: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию Омского регионального отделения Русского географического общества. Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. — С. 253—254.
9. Азарова Л.В. Развитие и совершенствование территориальной структуры хозяйства Омской области // История, природа, экономика: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию Омского регионального отделения Русского географического общества. Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. — С. 254—256.
10. Азарова Л.В. Экономико-географические особенности освоения Омского Прииртышья и сопредельных территорий // Природа и природопользование на рубеже XXI века: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Омск: Курьер, 1999. — С. 38—40.
11. Омский областной статистический ежегодник: Стат. сб. В 2 ч. Ч. 1 / Омский облкомстат. Омск, 2000. — 248 с.
12. Омский областной статистический ежегодник: Стат. сб. В 2 ч. Ч. 2 / Омский облкомстат. Омск, 2002. — 378 с.
13. Полежаев Л.К. Основные Направления бюджетной и социальной политики на 2003 год // Вся губерния. — 2002. — № 41. — С. 3.
14. Послание губернатора Омской области Л.К. Полежаева Законодательному Собранию Омской области: Основные направления бюджетной, экономической и социальной политики Омской области в 2009 году // Ведомости Законодательного Собрания Омской области. Омск: ЗСОО, — 2008. — № 3 (58). — Ч. II. — С. 23762—23786.
15. Социально-экономические и политические процессы в современной России (на примере Омской области) : монография / Л.В. Азарова [и др.]; под общ. ред. С.В. Новикова, Р.А. Рияновой. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2005. — 428 с.

**ДЕТСКИЙ ДОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ:
ПРОБЛЕМЫ БЫТА
(НА МАТЕРИАЛАХ КОМИ ОБЛАСТИ)**

Доброноженко Галина Федоровна

*д-р ист. наук, доцент,
Сыктывкарский государственный университет,
РФ, г. Сыктывкар
E-mail: g_dobronozhenko@mail.ru*

Лунгор Екатерина Геннадьевна

*магистрант, институт гуманитарных наук,
Сыктывкарский государственный университет,
РФ, г. Сыктывкар
E-mail: lungor_eg@mail.ru*

**ORPHANAGE IN THE FIRST HALF OF THE 1930'S:
THE PROBLEMS OF WAY OF LIFE (ON THE MATERIALS
OF THE KOMI REGION)**

Galina Dobronozhenko

*doctor of historical sciences,
associate professor of Syktyvkar State University,
Russia, Syktyvkar*

Ekaterina Lungor

*master student,
Institute of Human Sciences, Syktyvkar State University,
Russia, Syktyvkar*

АННОТАЦИЯ

На основе актов обследований и отчетов детских домов в статье описываются санитарно-гигиеническое состояние помещений, в которых жили воспитанники, организация питания, обеспечение детей одеждой и обувью.

ABSTRACT

On the basis of acts of surveys and reports orphanages in the article describes the sanitary-hygenic condition of the premises in which the pupils lived, organization of feed, ensuring of children clothing and footwear.

Ключевые слова: детская беспризорность; детский дом.
Keywords: children's homelessness; orphanage.

Российское государство в начале XX века пережило общественные катастрофы (Первая мировая война, революция 1917 года, Гражданская война), следствием которых стало не только появление новой политической реальности — советской государственности, но и обретение обществом различных «социальных болезней», в частности массовой детской беспризорности. В 1921 г. численность беспризорных в стране составляла 4,5 млн. чел., а в 1922 г. — уже 7 млн. чел. [3, с. 134]. Новая власть предпринимала меры к «ликвидации» детской беспризорности, что, безусловно, приводило к снижению численности беспризорников. Однако эти успехи носили временный характер. В начале 1930-х гг. началась новая «волна» беспризорности. Подобные «всплески» беспризорности происходили на протяжении всего XX столетия.

Рост беспризорности в 1930-е годы был вызван коллективизацией и «ликвидацией кулачества как класса», голодом 1932—1933 гг. К середине 1930-х годов, число беспризорных (как и после Гражданской войны) доходило до 7 млн. чел. [4, с. 246, 249]. Основной формой «борьбы» с беспризорностью, сложившейся еще в первое десятилетие советской власти, стало «изъятие» беспризорных с улиц и их размещение в детских воспитательных учреждениях — детских домах. Количество детдомов в стране в первой полов. 1930-х годов увеличилось почти вдвое: с 1049 в 1931 г. до 2046 в 1934 г.; количество воспитанников детдомов выросло со 158 тыс. в 1932 г. до 242 тыс. в 1934 г. [2, с. 23].

В Коми области в 1931 г. было шесть детских домов, в которых воспитывалось 310 детей, в конце 1934 г. соответственно 27 и 1535. Несмотря на открытие новых детдомов и общее увеличение численности детей, устроенных в детские дома, количество беспризорных детей в Коми области (преимущественно детей спецпереселенцев) в первой половине 1930-х гг. оставалась практически без изменений: около 200 чел. в 1931 г., 270 — в конце 1932, 250 — в феврале и 218 чел. — в декабре 1934 г. [2, с. 29, 206].

Из государственного бюджета на содержание детских домов Коми области отпускались все возрастающие из года в год ассигнования: 1931 г. — 132 тыс. руб., 1932 — 150, 1934 — 963, 1935 — 1440, 1936 г. — 2588 тыс. руб. [2, с. 32, 203]. Однако из-за постоянного роста числа беспризорных детей выделяемых средств, как правило, не хватало [2, с. 235]. Нередко это было связано

и с ситуациями чрезвычайного характера. К примеру, в июне 1933 года в селе Деревянк сгорел детский дом. Пожар уничтожил помещение, весь инвентарь, обмундирование. Детей разместили в сельской школе и первое время они спали на полу под партами. На приобретение одежды, обуви, провианта, одеял, матрацев, материй на простыни, наволочки и полотенца были выделены дополнительные денежные средства [2, с. 246, 247].

Полученные от государства средства в основном расходовались на продовольствие, одежду и обувь; по остаточному принципу приобреталась учебная литература и инвентарь, осуществлялся ремонт помещений и иные мероприятия, направленных на улучшение санитарно-гигиенического состояния детских домов.

Обеспечение беспризорных детей продовольствием считалось одним из главных направлений в работе детского дома. Нормы снабжения детских домов продуктами питания утверждались краевыми властями. В 1932 году на одного воспитанника в месяц полагалось 7,9 кг муки, 1,59 кг мяса, 2,7 кг рыбы, 1,5 кг сахара, 0,3 кг масла животного, 0,3 кг сала топленого, 1,8 кг крупы [2, с. 69]. В действительности эти нормы не соблюдались. В начале 1930-х гг. основными продуктами питания были овощи, а мясных продуктов детдомам почти не выделяли [2, с. 298]. В актах обследований детдомов 1932—1933 гг. говорится, что из-за ухудшения продовольственной ситуации в стране детские дома «не получают за месяц ни грамма мяса, рыбы», «воспитанников сажают на голый ячневой хлеб», в рационе детей отсутствуют молочные продукты. Плохое питание приводило к заболеванию детей (они страдали «малокровием и отеками») и росту смертности [2, с. 75, 264]. Детские дома сталкивались и с проблемой поставки продуктов плохого качества. Муку завозили низшего сорта, а порой выдавали зерном (администрации приходилось ездить молотить муку на мельницу) [2, с. 298].

Остро стояла проблема снабжения детских домов одеждой и обувью. Затруднение в обеспечении обмундированием было вызвано постоянным притоком беспризорных детей в детские дома и дефицитом промышленных товаров [2, с. 68]. В 1933 г. для Сыктывкарского детского приемника была составлена смета на 20 чел., а по факту их было 68, в том числе 30 дошколят, «а в некоторые месяцы число детей доходило до 113 человек». В детприемнике в наличие имелось только 29 пар валенок, 17 пар чулок, 86 платьев, некоторое количество брюк, рубашек для мальчиков, абсолютно отсутствовали панталоны для девочек дошкольного возраста [2, с. 260]. До середины 1930-х гг.

во всех областных детских домах уровень обеспеченности обмундированием оставался низким.

Наряду с проблемами нехватки продовольствия и недостаточной обеспеченностью одеждой и обувью администрация детских домов столкнулась со сложностями организации пространства дома в целях создания нормальных условий для жизнедеятельности детей. Детдома преимущественно располагались в двух-трех конфискованных кулацких домах. Крестьянские избы не отвечали потребностям детских воспитательных учреждений (в отличие от типовых зданий, строящихся для таких целей). В основном дома были переоборудованы под четыре-пять спален, кухню, столовую и подсобные помещения.

В актах обследований детских домов отмечалось, что «отведенные под детский дом два кулацких дома оказались не приспособленными и не отремонтированными, а потому для жилья совершенно не пригодные», дома плохо утеплены и «холодный ветер гулял по помещениям». Температура в помещениях зимой не превышала 10—12° и дети набивались в самую теплую комнату, группировались вокруг печей, нередко находились в помещении в верхней одежде. Освещение в детских домах было, как правило, керосиновое. В документах говорилось, что из-за перебоев с керосином с наступлением темноты помещения детских домов погружались в полный мрак.

В большинстве детдомов не было рабочих комнат, игрового зала, специальных умывален, раздевалок, изоляторов и даже бань [2, с. 52]. Так Пыелдинский детский дом № 2 размещался «в 2-х кулацких домах, находящихся на расстоянии 20 метров. Под спальней занимают 4 комнаты, под столовую 1 комната. Это же рабочая комната, зал для игр и 1 комната — кухня. Нет совершенно комнаты <...> под умывальню и раздевалку и изолятор» [2, с. 297].

В детских домах не было специальных помещений для изоляции больных детей и они жили вместе со здоровыми: питались, ходили в школу, даже спали в одной кровати [2, с. 76]. Это приводило к быстрому распространению инфекционных заболеваний. Так в селе Вомын Усть-Куломского района всего за один месяц (декабря 1933 — январь 1934 гг.) было обнаружено 25 случаев сыпного тифа. По заключению врача Усть-Куломской больницы, источником распространения эпидемии стали заболевшие воспитанники детдома; главной причиной — антисанитарные условия в детском доме [2, с. 75].

В материалах обследований отмечалось, что в большинстве детдомом отсутствовали помойные ямы; мусор и кухонные отходы разбросаны по всей территории учреждения. Нередко отбросы и воды

выбрасывались «прямо с крыльца, что тоже с санитарно-гигиенической стороны недопустимо». Запахи помоев, сырости, затхлости, керосиновой гари, уборной и запервших обуви и верхней одежды переполняли плохо проветриваемые помещения. В помещениях детдомов было грязно: пыль на стенах и потолке, «мусор собирается по углам, полы моются редко, окна и двери не моются совсем» [2, с. 55, 196, 297, 418]. Особенно в грязном состоянии содержались кухня и кухонный инвентарь. В одном из актов обследования санитарно-технического состояния детских домов сотрудники Коми областного отдела народного образования отмечали, что «посуда моется так, что в них грязь никогда не сходит», да и в целом «посуда в кухне и на складе хранится небрежно, в грязи» [2, с. 418]. Обычным явлением было большое количество тараканов и мух на кухне [2, с. 297]. Однако в отдельных детских домах царила чистота: в комнатах делали уборку каждые три дня (специальный обслуживающий персонал и сами воспитанники), спальни убирались «своевременно» (Слободской школьный детский дом) [2, с. 421].

Детские дома не всегда могли обеспечить своих подопечных сменным постельным бельем (простыни, наволочки) и спальными принадлежностями (одеяла, матрацы). К примеру, в Пыелдинском детдоме на 50 воспитанников было всего 28 простыней, а наволочек — на 1½ смены; в Ручевском детдоме на 46 детей было всего 16 одеял, а вместо матрацев детям подстилали их верхнюю одежду [2, с. 272, 297].

Проблемой для каждого детского дома было отсутствие достаточного количества кроватей или помещений, где можно было бы их разместить [2, с. 272]. Детям приходилось спать по двое, а то и по трое на одной койке. Не хватало шкафов, стульев, столов, столовой посуды и кухонного инвентаря (тарелок, чашек, ложек, кастрюль, чайников) [2, с. 297]. О наличии таких средств личной гигиены воспитанников, как зубной щетки, зубного порошка и индивидуального ночного горшка или сидения, и речи не было [2, с. 59].

В повседневной жизни детские дома сталкивались с проблемами недостаточной обеспеченности продовольствием и обмундированием для нужд своих подопечных, низкой материальной оснащенности и неудовлетворительным санитарно-гигиеническим содержанием помещений, причины которых были скрыты в постоянном росте беспризорности и нехватке денежных средств, выделенных из государственного бюджета.

Список литературы:

1. Зезина М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. — 2000. — № 3. — С. 58—67.
2. Крестьянские дети в детских домах Коми области в 1930-е годы: Исследования, документы, воспоминания / авторы-составители: Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Науч. консультант Н.А. Ивницкий. Сыктывкар, ГОУ ВПО «СыктГУ», 2008. — 764 с.
3. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. — 2000. — № 1. — С. 134—139.
4. Славко А.А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917—1952 годы. Сыктывкар, КРАГСиУ, 2009. — 419 с.

3.2. ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ В ГУЛАГЕ НКВД В 1941 ГОДУ

Аупенова Алия Укужановна

*преподаватель истории и общественно-политических дисциплин
Карагандинский политехнический колледж (КПТК),
Республика Казахстан г. Караганда
E-mail: aliya.aupenova@mail.ru*

THE FRAMEWORK OF ORGANIZATION IN YOUNG PIONEER SUMMER CAMPS BELONGING TO GULAG OF PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS IN 1941

Aliya Aupenova

*teacher of History and social and political disciplines
of Karaganda polytechnic college,
Republic of Kazakhstan, Karaganda*

АННОТАЦИЯ

На основании директивных указаний Политотдела ГУЛАГа НКВД рассматриваются проводимые подготовительные мероприятия для организации отдыха детей в пионерских лагерях в 1941 г. Статья позволяет ознакомиться с данными о штатном персонале пионерских лагерей, с расходами на содержание детей и нормами питания.

ABSTRACT

There considered preparatory measures conducted for children's rest organization in young pioneer summer camp on the grounds of GULAG's People's Commissariat of Internal Affairs political division instructions in 1941. The article allows getting to know the information about the staff of pioneer camps, children's maintenance costs and nourishment standards.

Ключевые слова: дети; каникулы; пионерский лагерь; смета расходов; персонал; заработная плата; вожатые; медицинское обслуживание; нормы питания.

Keywords: children; vacations; pioneer camp; estimated expenses; staff; salary; leaders; medical service; nourishment standards.

Летние каникулы самые продолжительные по времени и поэтому проведение досуга школьниками всегда остается актуальным. Дни каникул были незабываемыми и в советское время не последнюю роль в этом играли пионерские лагеря. Быть в пионерском лагере, означало для детей быть бок о бок, плечом к плечу с дружным коллективом. «Особая значимость придавалась задаче воспитания социальной активности личности» [1, с. 109].

Организационная деятельность пионерского лагеря в ГУЛАГе НКВД строилась на педагогическом опыте Н.К. Крупской, которая была у истоков пионерского движения «... важным направлением успешного сотрудничества детей и вожатых она считала педагогическую грамотность и компетентность педагогов, воспитателей» [3, с. 168].

Пионерские лагеря действовали по всей стране, в том числе и в системе ГУЛАГа. Согласно директивному указанию помощника начальника Политотдела ГУЛАГа НКВД СССР по комсомольской работе Кундта от 14.03.1941 г. «О подготовке к вывозу детей в пионерские лагеря в 1941 г.» начальники политотделов и помощники по комсомольской работе лагерей и строителей совместно с профсоюзными организациями должны были развернуть подготовку к выезду детей в пионерские лагеря в 1941 г. [2, л. 33].

Подготовительная работа включала в себя ряд мероприятий:

- проведение ремонта и оборудование пионерских лагерей с расчетом открытия их не позднее 20 июня 1941 г. при пропускной способности в 2 смены; расходы по ремонту и оборудованию пионерских лагерей должны были проводиться за счет средств, предусмотренных нормами расходов на содержание пионерских лагерей, утвержденными Секретариатом Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (далее ВЦСПС) от 25.03.1940 г.;

- в срок до 15 мая 1941 г. предоставление в Политотдел ГУЛАГа НКВД сметы расходов пионерлагерей и штата работников.

При составлении сметы и штата согласно утвержденным решениям ВЦСПС учитывались следующие обстоятельства:

- содержание детей в пионерских лагерях устанавливалось в полном соответствии с нормами расходов по содержанию пионерских лагерей, утвержденными Секретариатом ВЦСПС от 25.03.1940 г. Стоимость содержания каждого ребенка в пионерском лагере ни в коем случае не должна была превышать установленных норм.

- штат административно-хозяйственного и обслуживающего персонала в пионерских лагерях в 1941 г. резко сокращался и находился в полной зависимости от количества выезжающих детей.

В связи с вышеизложенным, Политотдел ГУЛАГа НКВД обращал особое внимание помощников по комсомольской работе, а также секретарей комитетов ВЛКСМ на организацию отдыха детей в пионерских лагерях. Содержание работы пионерского лагеря включало в себя инициативу самих детей, их участие в посильной общественно-полезной и трудовой деятельности. С целью привития ребятам трудовых навыков вся работа в пионерских лагерях в 1941 г. основывалась на самообслуживании детей. Исходя из этого, запланированный штат и ставки заработной платы административно-хозяйственного и обслуживающего персонала пионерского лагеря, рассматриваются в таблице 1:

Таблица 1.

Штат и ставки заработной платы персонала пионерлагеря

	Должность	Единовременная пропускная способность пионерлагеря									
		От 50 до 100 детей		От 100 до 150 детей		От 150 до 250 детей		От 250 до 400 детей		От 400 детей и более	
		Кол-во работников	з/п	Кол-во работников	з/п	Кол-во работников	з/п	Кол-во работников	з/п	Кол-во работников	з/п
	Начальник пионерлагеря	1	450	1	500	1	600	1	700	1	800
	Старший пионервожатый	—	—	—	—	—	—	1	500	1	550
	Руководитель по военно-физкультурной работе	—	—	1	400	1	450	1	500	1	550
	Заведующий хозяйством	1	350	1	350	1	400	1	450	1	500
	Агент по снабжению	—	—	—	—	1	225	1	250	1	250
	Старший повар	—	—	1	400	1	450	1	500	1	550
	Повар I категории	1	400	1	300	1	350	1	400	1	400
	Повар II категории	—	—	—	—	1	300	1	300	1	300
	Повар III категории	—	—	—	—	—	—	—	—	1	200

0	Кухонный рабочий	1	140	1	140	1	140	1	140	2	280
1	Судомойки	—	—	1	120	2	240	2	240	3	360
2	Уборщица-прачка	1	130	2	260	3	390	4	520	5	650
3	Кладовщик	1	180	1	180	1	180	1	200	1	200
4	Сторож-пожарник	1	120	1	120	1	120	1	120	2	240
5	Бухгалтер	—	—	—	—	1	400	1	450	1	450
6	Счетовод	—	—	1	250	—	—	—	—	1	250
	Итого	7	1770	12	3020	16	4245	18	5270	24	6530
	Единовременные работы										
	Работы по подготовке к закрытию лагеря	—	400	—	600	—	800	—	1000	—	1200
	Общий фонд зарплаты	—	2170	—	3620	—	5045	—	6270	-	7730

[2, л. 34]

Зарплата административно-хозяйственному и обслуживающему персоналу пионерских лагерей выплачивались за счет сметы лагеря. В связи с этим руководящими органами ИТЛ контролировалось выполнение основного требования, заключающегося в полном соответствии расходов на заработную плату штатному расписанию [2, с. 35].

В отдельных пионерских лагерях, имеющих особые условия работы, к ним относились: наличие собственного транспорта, электростанции, водонасосная станция и пр. разрешалось устанавливать дополнительные штаты работников - шофер, конюх, электромеханик и др. и утверждать дополнительные расходы по заработной плате, не превышая общей стоимости содержания детей в пионерском лагере, установленной Секретариатом ВЦСПС от 25.03.1940 г.

Кроме административно-хозяйственного, набирался штат воспитательного и медицинского персонала. Штат пионервожатых устанавливался из расчета 1 пионервожатый на каждые 50 пионеров в лагере. Вожатые отрядов октябрят подбирались из расчета 1 вожатый на каждые 30 детей — октябрят в лагере.

В помощь отрядным вожатым в пионерские лагеря направлялись активисты-общественники (помощники вожатых) из числа комсомольцев учащихся 8-10 классов, из расчета один на отряд. Путевки в пионерский лагерь помощникам пионервожатых по направлению комсомольской организации выдавались бесплатно. Зарплата вожатым отрядов устанавливалась в зависимости от образования и стажа воспитательной работы и выплачивалась за счет сметы лагеря, что можно проследить в таблице 2:

Таблица 2.

Сетка зарплаты вожатых в пионерлагерях

№	Образование	Стаж воспитательной работы	
		До 2-х лет	Более 2-х лет
1	7-ми летнее	280 руб.	300 руб.
2	9-10-ти летнее или законченное среднее педагогическое образование	310 руб.	350 руб.
3	Законченное высшее педагогическое образование	400 руб.	450 руб.

[2, л. 35]

В пионерских лагерях с единовременной пропускной способностью до 250 детей вожатый первого отряда являлся старшим пионервожатым и получал зарплату на 20 % выше ставки, полагающейся ему как отрядному вожатому.

Педагоги для внешкольной работы в пионерских лагерях подбирались из числа учителей средней школы по специальностям: физкультуре, биологии, физике, литературе и географии из расчета, по числу детей, что демонстрирует таблица 3:

Таблица 3.

Штат педагогов в пионерлагере

№	Единовременная пропускная способность	Всего	Количество педагогов, в том числе по специальностям:				
			Физкультуре или военному делу	биологии	физике	Литературе	географии
1	До 100 детей	1	1	—	—	—	—
2	От 100 до 150 детей	2	1	1	—	—	—
3	От 150 до 250 детей	3	1	1	1	—	—
4	От 250 до 400 детей	4	1	1	1	1	—
5	От 400 детей и выше	5	1	1	1	1	1

[2, л. 36]

Количество медицинского персонала для пионерских лагерей было представлено в соответствии с требованиями:

1. Врач, постоянно живущий в лагере, из расчета один на 200—250 детей.
2. Медсестра из расчета одна на 80—100 детей.
3. Няня при изоляторе на время нахождения в нем больных, из расчета одна на изолятор.

В лагере с количеством детей менее 200 человек врачебное обслуживание велось врачом, посещающим пионерский лагерь не реже 2—3-х раз в неделю в зависимости от числа детей и не менее 5-ти часов на каждое посещение.

Каждый пионерский лагерь обеспечивался постоянно живущей при лагере медсестрой, в том числе и лагерь в котором находилось менее 80 детей.

В связи с особыми условиями труда, для работников пионерских лагерей устанавливался ненормированный рабочий день. Работники пионерских лагерей обеспечивались бесплатной квартирой (общежитием) и получали питание (полное или частичное) с оплатой 50 % фактической стоимости продуктов питания без общелагерных накладных расходов.

Для пионервожатых, административно-хозяйственного и обслуживающего персонала пионерских лагерей, расположенных в перечисленных ниже местностях, ставки заработной платы устанавливались выше по сравнению с размером ставок, рассмотренных в таблице 1:

- на 20 % для Хабаровского и Приморского края, Читинской области и г. Караганды Казахской ССР;
- на 50 % для работающих на Крайнем севере (Воркутлаг, Норильлаг), строительствах (Североникель, Ухтижемлаг) [2, с. 37].

С видами расходов на содержание отдыхающего в пионерском лагере позволяет ознакомиться таблица 4:

Таблица 4.

Стоимость содержания одного ребенка в пионерлагере (1941 г.)

№	Виды расходов	Расходы на одного ребенка в месяц
1	Зарплата с начислением	От 30 до 36 рублей
2	Питание по норме набора продуктов	От 160 до 240 рублей
3	Культработа и приобретение культинвентаря	От 18 до 28 рублей
4	Ремонт, дооборудование и аренда помещения	От 32 до 40 рублей
5	Хозяйственный расходы	От 10 до 16 рублей
	Общая стоимость	От 250 рублей до 360 рублей

[2, л. 39]

Большая часть расходов на содержание составляла статья, включающая в себя питание по норме набора продуктов. Предусмотренные нормы питания на одного ребенка иллюстрирует таблица 5:

Таблица 5.

**Нормы питания для пионерских лагерей на одного ребенка
(1941 г.)**

№	Виды продуктов	Норма	
		на 1 день (грамм)	на месяц (грамм)
1	Хлеб пшеничный	250	7 500
2	Хлеб ржаной	150	4 500
3	Мука пшеничная	50	1 500
4	Мука картофельная	10	200
5	Крупа разная	60	1 800
	В том числе:		
	Гречневая	20	600
	Рисовая	15	450
	Манная	15	450
	Горох	10	300
6	Макаронные изделия	20	600
7	Картофель	300	9 000
8	Овощи в том числе капуста, свекла, морковь, лук, огурцы, редис, помидоры	300	6 000
9	Фрукты и ягоды свежие	200	6 000
10	Фрукты и ягоды сухие	20	600
11	Клюква	20	600
12	Сахар	90	2 700
13	Сладости	20	600
14	Печенье	20	600

[2, л. 39]

Доля участия родителей в расходах по содержанию детей в пионерских лагерях определялась в размере 75 % месячного заработка родителей, приходящегося на одного члена семьи. При этом не ниже:

- 50 рублей в пионерских лагерях районных центров и поселков;
- 60 рублей в пионерских лагерях областных и крупных промышленных центров;
- 70 рублей в пионерских лагерях Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Ташкента и других республиканских центров.

Для семей красноармейцев, а также для матерей одиночек, имеющих не менее двух детей, при заработке не выше 300 рублей в месяц устанавливалась скидка в размере 25 % приходящегося взноса.

Политотделы могли расходовать средства на аренду помещений под пионерские лагеря в пределах следующих норм:

- не более 30 рублей за одного ребенка в смену по пионерским лагерям Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Ташкента и других республиканских центров;
- не более 20 рублей для областных и окружных промышленных центров;
- не более 15 рублей для прочих городов, районных центров и поселков. Ремонт арендованных помещений производился за счет сумм аренды [2, с. 37].

Политотдел ГУЛАГа НКВД:

- предлагал к 15 апреля 1941 г. создать при Политотделах лагерные комиссии из представителей партийных, хозяйственных, комсомольских, профсоюзных организаций, санитарного отдела; подобрать и утвердить в Политотделе начальников пионерских лагерей, старших и отрядных вожатых; пропустить через областные инструктивные семинары начальников пионерских лагерей и старших вожатых, обратившись по этому вопросу к Обкомам ВЛКСМ.
- запрещал утверждать начальниками пионерских лагерей и старшими вожатыми, комсомольцев моложе 18-ти летнего возраста;
- обязывал до 10 мая 1941 г. полностью отремонтировать весь имеющийся инвентарь пионерского лагеря, оставшегося с 1940 г.;
- к 25 апреля 1941 г. сообщить докладной запиской в Политотдел ГУЛАГа НКВД о выполнении указания о приемке лагерной комиссией при Политотделах готовности всех помещений для пионерских лагерей;
- предоставить списки начальников пионерских лагерей, старших пионервожатых, отрядных вожатых, указав их качественный состав; заполнить и выслать анкеты на начальников пионерских лагерей и старших пионервожатых [2, с. 38].

Директивные указания Политотдела ГУЛАГа НКВД были направлены на оказание материальной, финансовой, кадровой и идеологической помощи для успешного решения всех организационных вопросов, возникающих по деятельности пионерских лагерей, и служили конкретным руководством к действию на местах.

Список литературы:

1. Беркун О. О создании пионерских отрядов на территории Карагандинской области в 20—30 годы XX века // Қазақстан мұрағаттары. Архивы Казахстана. — 2014. — № 1(29). — С. 107—110.
2. ГАКО. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 399.
3. Турушев Н.И. Детское движение как предмет междисциплинарного научного изучения // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2010. — № 5. — С. 166—171.

3.3. ЭТНОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Макина Анастасия Ивановна

канд. ист. наук, доцент

Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,

РФ, г. Абакан

E-mail: makinaai@mail.ru

FOR THE STUDY OF SOCIONOMICS POTENTIAL ETHNO- CULTURAL SPACE OF REGION

Makina Anastasia

candidate of historical sciences, associate professor

of Khakas State University after N.F. Katanov,

Russia, Abakan

АННОТАЦИЯ

Посредством теоретического анализа в статье обосновывается актуальность изучения на основе ресурсно-потенциального подхода социальной работы этнокультурного пространства региона. Выделяются основные компоненты этнокультурного пространства региона, выполняющие «помогающие» функции, осуществляющие роль «неформальной» социальной работы региона. Обосновывается положение, что на основе анализа деятельности субъектов этнокультурного пространства региона целесообразно систематизировать данные об их возможностях и потенциале для структурной социальной работы.

ABSTRACT

Through theoretical analysis in the article the urgency of studying on the basis of the resource potential of the approach of social work ethno-cultural space of the region. Settle the main components of the ethno-cultural space, performing "help" function, performing the role of "informal" social work in the region. It is proved that on the basis of the analysis of activity of the subjects of the ethnic and cultural space of the region, it is

advisable to systematize data about their opportunities and potential for structural social work.

Ключевые слова: этнос; социальная работа; хакасский этнос; помощь; взаимопомощь; традиционное общество; ресурсно-потенциальный подход; этнокультурное пространство.

Keywords: ethnos; social work; Khakas ethnos; help; mutual aid; traditional society; the resource-potential approach; ethno-cultural space.

Каждый народ в процессе своей этнической истории формирует механизм оказания помощи наиболее нуждающимся слоям своего населения, данный механизм в связи с модернизацией общественных отношений ведет свое существование в пространстве семейно-родственных, этно-конфессиональных взаимоотношений и актуализируется или несколько «притухает» в зависимости от социально-экономической ситуации, силы традиций народа [4, с. 251]. Скрытые и явные возможности для социальной работы изучаются посредством ресурсно-потенциального подхода.

Особую научную ценность в изучении ресурсов и потенциала социальной работы имеют труды доктора социологических наук, профессора Пермского госуниверситета Замараевой З.П. [3, с. 11]. Цель ресурсно-потенциального подхода в социальной работе, как отмечает указанный автор — формирование ценностного, нормативного, организационно-структурного, функционального механизмов деятельности, которые направлены на повышение или изменение уровня ресурсного потенциала у объекта социальной защиты, и соответственно, изменение его социального положения, социальной роли посредством освоения новых ценностей, норм, требований, моделей поведения как основы социализации. Замараева З.П. выделяет также общественный ресурсный потенциал, который представляет результат изменения социальной среды, снижение реальной возможности оказания помощи со стороны государственных структур, стремление индивидов к объединению с другими себе подобными. Также общественный ресурсный потенциал — это метод повышения возможностей индивида (группы) в самообеспечении населения через деятельность терапевтических сообществ, групп само- и взаимопомощи, актуализацию «сетевых ресурсов», которые образуют общественную модель социальной защиты по месту жительства, возможности общественного (некоммерческого) сектора. Механизм реализации ресурсно-потенциального подхода в системе социальной работы детерминирован подбором соответствующих технологий

социальной защиты на основе оценки ресурсно-потенциального состояния объекта социальной защиты, созданию условий, способствующих повышению личностно-профессиональной компетентности специалистов социальной сферы [4, с. 147].

Актуальность научной проблемы для теории и практики социальной работы обусловлена следующими обстоятельствами.

Одним из приоритетных направлений законодательной и исполнительной власти России является социальное развитие. Определены приоритеты социально-экономического развития страны в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Одним из направлений в области развития социальных институтов, в том числе социальной работы как профессии, и социальной политики является формирование эффективной системы институтов, обеспечивающих поддержку и содействие социальной адаптации граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию или находящихся в социально опасном положении. Субъекты этнокультурного пространства активно участвуют в реализации социальной политики, национальные общественные организации оказывают содействие своим соплеменникам в разрешении трудной жизненной ситуации. Этнос, семья обеспечивают поддержку своим членам, оказавшимся в социально-опасном положении.

Российская Федерация является многонациональной страной, где по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан, проживает 193 национальности, что характеризует наличие многообразия механизмов помощи и взаимопомощи, составляющий ресурс и потенциал социальной работы.

По данным Научно-исследовательского института «Высшая школа экономики» в России подготовка по направлению «Социальная работа» ведется в 114 вузах во всех регионах, что формирует необходимость подготовки будущих профессионалов социальной сферы с учетом реальной ситуации региона, в том числе социоэкономического потенциала этнокультурного пространства региона. Приказом Минтруда России № 571н от 22 октября 2013 года утвержден профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе», где в качестве необходимых знаний в числе остальных указывается необходимость знания национальных и региональных особенностей быта и семейного воспитания, народных традиции.

В Республике Хакасия по данным Всероссийской переписи населения 2010 года проживает более ста национальностей. Националь-

ный состав республики: русские — 81,7 %; хакасы — 12,1 %; немцы — 1,1 %; украинцы — 1 %; другие национальности — 4,1 %. По данным министерства юстиции республики Хакасия по состоянию на 01.11.2013 зарегистрировано 401 общественное объединение, из которых 70 этноконфессиональных организаций [1, с. 258]. Национальные общественные объединения оказывают содействие в решении трудной жизненной ситуации своим представителям, а также решая социальные проблемы региона, решают проблемы социальной адаптации мигрантов, часто становясь единственными субъектами социальной работы с ними.

Коренным народом Республики Хакасия является хакасский этнос, который на протяжении длительной этнической истории выработал свои механизмы помощи и взаимопомощи в рамках рода, общины, традиционных видов хозяйствования. Традиционное хакасское общество выработало свои формы помощи и поддержки таких категорий населения как старики, женщины, дети. Они были направлены на поддержание их жизнедеятельности, благополучного течения определенного этапа их жизни: женщинам для успешной реализации их репродуктивной функции; старикам для благоприятного завершения их жизненного пути; детям для успешного прохождения ими социализации и внедрения в активную жизнь полноправным членом общества. Механизмы помощи также сформировались относительно лиц с ограниченными возможностями здоровья, молодых семей, малоимущих. Свои формы помощи и взаимопомощи сформированы в сельскохозяйственных видах работ, промысловой деятельности, обустройстве жилья и т. п. Данный механизм вспомоществования выявлен в рамках традиционного общества, он продолжает свое функционирование в рамках семейно-родственных отношений в современное время и составляет ресурс социальной работы, но исследования по данному вопросу не проводилось. С началом преобразований 1990-х годов наблюдается новый этап в становлении родового управления хакасов. Сформирован и ведет свою деятельность Совет старейшин хакасского народа, где проходят обсуждение и принимаются решения по актуальным вопросам коренного населения, в том числе социального характера, подводятся ежегодные итоги деятельности. Хакасские рода решают вопросы об установлении опеки над сиротами, помощи в обучении, в организации мероприятий и т. д., что напрямую связано с социоэкономической деятельностью.

Таким образом, изучение социоэкономического потенциала этнокультурного пространства регионов России является актуальной

задачей в рамках реализации социальной политики государства, послужит основой взаимодействия субъектов этнокультурного пространства с органами исполнительной власти в вопросах решения социальных задач. Этнокультурное пространство регионов является потенциалом профессиональной социальной работы, ее ресурсом, изучение возможностей которых, автору данной статьи представляется важной задачей в рамках подготовки социальных работников и становления социального партнерства в сфере социальной поддержки населения.

Список литературы:

1. Анайбан З.В. Институты гражданского общества в постсоветской Хакасии // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. — С. 256—268.
2. Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук: специальность 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы. М.РГСУ.2007.
3. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в условиях модернизации современной системы социальной защиты населения//Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — Вып. № 1. — 2011. — С. 147—156.
4. Макина А.И. Этничность, ее роль и место в социальной работе // Этнос развивающейся России: проблемы и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 22—23 сентября 2006 г., г. Абакан / под ред. Штыгашевой О.В. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. — С. 251—256
5. Социальная работа: теория и практика: Учеб. пособие/ Отв. ред. д.и.н., проф. Е.И. Холостова, д.и.н., проф. А.С. Сорвина. М.: ИНФРА-М, 2001. — 427 с.

3.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ШАХТЁРОВ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (1992—1999 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Соловенко Игорь Сергеевич

*доцент, канд. ист. наук,
Юргинский технологический институт (филиал) Национального
исследовательского Томского политехнического университета,
РФ, г. Юрга
E-mail: igs-71@rambler.ru*

Куст Татьяна Сергеевна

*доцент, канд. филол. наук,
Юргинский технологический институт (филиал) Национального
исследовательского Томского политехнического университета,
РФ, г. Юрга
E-mail: tatjana.kust@yandex.ru*

MINER PROTEST MOVEMENT DURING TRANSITION TO MARKET ECONOMY IN RUSSIA (1992—1999): HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Igor Solovenko

*associate Professor, Ph.D. in History,
Yurga Institute of Technology, TPU affiliate,
Russia, Yurga*

Tatjana Kust

*associate Professor, Ph.D. in Philology,
Yurga Institute of Technology, TPU affiliate,
Russia, Yurga*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются ключевые труды, в которых получили отражение вопросы протестного движения шахтёров современной

России. Приводится их классификация, выделяются общие и отличительные особенности.

ABSTRACT

The article provides examination of key papers reflecting issues of miner protest movement in contemporary Russia. The authors submit their classification, determine common and distinctive features.

Ключевые слова: Россия; переход к рынку; шахтёры; протесты; историография.

Keywords: Russia; transition to market economy; miners; protests; historiography.

Широкий общественный резонанс протестного движения горняков отразился на значительном спектре работ, посвящённых поднимаемой проблеме. В целом, все труды можно представить двумя основными группами, критерием классификации которых является определение места и роли протестного движения шахтёров в процессе демократизации российского общества и либерализации экономики в 1990-е гг.

Подавляющая часть авторов научных работ связывает высокий уровень политической активности горняков России с существенными ошибками, допущенными президентом и правительством РФ в процессе реализации политики «шоковой терапии». Протестное движение они считают инструментом, который сдерживал «антинародные» преобразования, привлекал внимание государства к участию в регулировании экономических отношений.

Первой крупной работой, где рассматривались вопросы эволюции протестного движения шахтёров России в 1990-е гг. является монография Ю.Н. Миловидова и А.Н. Крестьянинова «Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт» [12]. Авторы справедливо отмечают радикализацию требований, форм и методов борьбы шахтёров России в процессе отстаивания своих экономических и социальных прав и интересов.

Много полезной информации по анализируемой проблеме содержится в трудах известного социолога — В.А. Борисова. В его объёмной работе «Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989—99 гг.)» [3] справедливо отмечается тенденция децентрализации и фрагментации протестной активности в угольной промышленности на протяжении всех 1990-х гг. Данную работу можно считать самой ценной с точки зрения представленной в ней информации.

Общественно-политическая борьба в современной России стала объектом многих социологических исследований и их обобщений. Одним из наиболее авторитетных исследователей протестного движения горняков, является кандидат социологических наук И.А. Климов. Вскоре после масштабных «рельсовых войн» 1998 г. им была опубликована важная статья: «Шахтёры в “рельсовой войне”: субъект социального действия или объект манипуляции?» [8], в которой анализируются результаты радикальных действий шахтёров, в том числе и в 1998 г. Автор справедливо подчеркивает отсутствие механизма разрешения конфликтов, подобных «рельсовым войнам», в практике политических отношений современной России. Главным итогом участия шахтёров во всероссийских «рельсовых войнах» в 1998 г. И.А. Климов считает появление у них навыков совместных действий.

Рост интереса к истории борьбы шахтёров в 1990-е гг. обозначился в 2004 г., когда по всей стране вновь активизировалось протестное движение трудящихся и пенсионеров. В том году была издана объёмная монография «Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х годов» [11], которая отражает результаты многолетних исследований известного российского философа и социолога Б.И. Максимова. Он уверен в том, что рабочее движение 1990-х гг. является составной частью общедемократического процесса в России. Автор показывает противоречивость протестного поведения шахтёров, неопределенность результатов их борьбы.

Вопросы протестного поведения шахтёров во время перехода к рынку подробно изучались и на региональном уровне. Особое место в данном ряду занимают кузбасские учёные, что явилось следствием доминирования ведущего угледобывающего региона в акциях протеста, начиная с 1989 г.

Первыми кузбасскими исследователями, которые обратили внимание на социальную незащищённость шахтёров, стали П.В. Бизюков и Е.Я. Варшавская. В своём историко-социологическом исследовании «История закрытия двух шахт в Кузбассе, поучительная прежде всего тем, что подобное может повториться в других городах и отраслях» [2] они не только дали анализ причин и характера закрытия конкретных угледобывающих предприятий области в начале 1990-х гг., но и верно спрогнозировали неминуемость роста шахтёрских выступлений в Кузбассе и других угледобывающих регионах страны.

Через год П.В. Бизюков опубликовал ещё одно важное для нас исследование «Подземная шахтёрская забастовка» [1]. В работе справедливо отмечается слабая эффективность в рассматриваемое

время даже таких радикальных форм протеста как отказ от выхода из шахты.

Во время перехода к рыночным отношениям произошли качественные изменения во взглядах кузбасских горняков на цели, задачи и методы борьбы. Данные изменения хорошо отражены в работах учёного-историка из шахтерского города Прокопьевск — Д.В. Воронина [4]. Учёный убедительно показал смену парадигм в борьбе шахтёров края. В её основе была тенденция перехода от чисто экономических требований и протеста, от обращений к властям и предпринимателям — к попытке трудовых коллективов взять в свои руки налаживание хозяйственной жизни предприятий.

Из работ исследователей других угледобывающих регионов выделяется монография В.И. Ильина «Власть и уголь: шахтёрское движение Воркуты (1989—1998 годы)» [6]. Автор монографии подчеркнул разочарование воркутинцев либеральными преобразованиями, которые привели к обострению социально-экономических проблем в базовой для города отрасли хозяйственной деятельности — угледобывающей промышленности. Главным итогом роста протестного движения шахтеров Воркуты в 1989—1998 гг., по мнению автора, стала «тенденция перехода части шахтеров от тотального антикоммунизма к радикальным формам коммунистической идеологии».

Вторая группа трудов является менее значительной, но вполне представительной. С предыдущими исследованиями их связывает много общего: высокая обеспокоенность за судьбу шахтёров, критика политики реструктуризации угольной промышленности, отсутствие должной реакции органов государственной власти на акции протеста и т. д. Между тем труды второй группы имеют и принципиальные отличия во взглядах их авторов на борьбу рабочих. Главное из них — протестные действия шахтёров во время перехода к рыночным отношениям оцениваются исследователями данной группы как угроза либерально-демократическому развитию страны.

Наиболее авторитетным исследователем второй группы является доктор исторических наук Л.А. Гордон. Совместно с коллегами он опубликовал обстоятельное исследование — «Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен» [5], в котором достаточно много внимания уделяется анализу проблем рабочих. Учёные справедливо указывают на такую особенность протеста шахтёров России в 1990-е гг. как сочетание в их действиях стихийных и организованных начал. Коллектив Л.А. Гордона солидарен с позицией И.А. Климова в том, что «рельсовые войны» 1998 г. оказались

действенным средством заставить власти и работодателей искать пути выхода из кризиса невыплаты заработной платы. Между тем, в содержании книги прослеживается отрицательное отношение авторов к радикальным акциям протеста шахтёров в 1990-е гг. Л.А. Гордон и его коллеги считают забастовочное движение конца 1980-х — начала 1990-х гг. «более рациональным».

Многие особенности, тенденции и закономерности протестных акций во время перехода к рыночным отношениям представил в своей монографии «Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности» А.М. Кацва [7]. Это низкий авторитет профсоюзов среди рабочих, психологическая опустошенность народных масс, рост протестных настроений в обществе, радикализация форм и методов противостояния, разрушительный характер борьбы, угроза социального взрыва и т.д. Автор замечает, что снижение в 1998 г. показателей забастовочных выступлений в стране никак не сказалось на масштабах протестного движения в России, объединении сил оппозиции и их наступлении, направленном на сворачивание демократических реформ в стране. Автор указывает на противоправные действия горняков, но при этом умалчивает системные нарушения трудового законодательства и Конституции России со стороны руководителей предприятий и органов власти.

Среди региональных работ первоочередной интерес представляют последние труды профессора Л.Н. Лопатина — «Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев» [9], а также «Шахтёры и “начальство” о рабочем движении Кузбасса в 1989—90-е гг.» [10]. Они содержат богатую коллекцию воспоминаний о рабочем движении в шахтёрском крае с конца 1980-х гг. до наших дней. Кроме того, автор представил краткий анализ забастовочного движения шахтёров в 1989—1990-е гг. Л.Н. Лопатин негативно отозвался о радикальных акциях протеста горняков Кузбасса в 1990-е гг. Так же, как и А.М. Кацва, он обвинил левую оппозицию в организации радикальных форм протеста. Причины кризисных явлений в 1990-е гг. в экономике края исследователь связал с отсутствием сильных общественных структур, способных, как они делали в 1989—1991 гг., контролировать социально-экономическую ситуацию «снизу». Однако данный вывод весьма сомнителен, достаточно вспомнить результаты социально-экономического развития периода 1989—1991 гг. как в Кузбассе, так и в стране.

В целом характер акций протеста 1990-х гг. уже не соответствовал либеральной концепции рабочего движения «перестроечной» поры,

что отразилось на критике поведения шахтёров в рассматриваемый период со стороны Л.Н. Лопатина. Учёный не мог не замечать серьёзных акций протеста шахтёров 1990-х гг., при этом он не смог объяснить изменение вектора развития рабочего движения с тех методологических позиций, на которые он опирался, анализируя забастовки «перестроечной» эпохи. В этом главная слабость работ Л.Н. Лопатина, вышедших во второй половине 1990-х гг.

Наиболее заметной из зарубежных исследований является работа немецких учёных — «Geschäfte mit der Macht» («Сделка с властью») [13], в которой представлен развёрнутый анализ многих проблем угольной отрасли России, их связь с протестной активностью рабочих. Сложно не согласиться с авторами, что шахтёрский протест стал действенной формой давления на правительство РФ при распределении государственных дотаций угледобывающим предприятиям страны.

Анализ изученности проблемы позволяет сделать следующие выводы: 1) историография вопроса отражена в исследованиях федерального и регионального масштаба; 2) хорошо освещены причины и факторы осложнения политической и социально-экономической обстановки в угольных регионах страны в 1990-е гг.; 3) труды о протестных акциях в различных регионах страны дают возможность провести сравнительный анализ требований шахтёров; 4) разные позиции исследователей позволяют объективнее рассматривать анализируемые процессы; 5) имеется взгляд на шахтёрские проблемы из-за рубежа. Вместе с тем историография вопроса показывает недостаточное освещение многих аспектов протестного движения шахтёров России во время перехода к рынку.

Список литературы:

1. Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. М., 1995. — 5с.
2. Бизюков П.В., Варшавская Е.Я. История закрытия двух шахт в Кузбассе, поучительная прежде всего тем, что подобное может повториться в других городах и отраслях. М., 1994. — 16 с.
3. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989—99 гг.). М., 2001. — 416 с.
4. Воронин Д.В. Протестные выступления в Кузбассе в 90-х гг.: смена парадигм // Проблемы истории Кузбасса. Прокопьевск, 2002. — С. 91—98.
5. Гордон Л.А. Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999. — 352 с.
6. Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989—1998 годы). Сыктывкар, 1998. — 270 с.

7. Каца А.М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.; СПб., 2002. — 200 с.
8. Климов И.А. Шахтёры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Мир России. — 1999. — Т. VIII. — № 3. — С. 133—152.
9. Лопатин Л.Н. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М., 1998. — 617 с.
10. Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989—90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения.). Кемерово, 2009. — 224 с.
11. Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х годов. СПб., 2004. — 277 с.
12. Миловидов Ю.Н., Крестьянинов А.Н. Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт. М., 1998. — 208 с.
13. Harte S., Grävingsholt J., Pleiners H., Schröder H.-H. Geschäfte mit der Macht. Edition Temmen. 2003, Bremen. — 383 s.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XXXIX-XL международной научно-практической конференции

№ 7-8 (39)
Август 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 01.09.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 15
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3